

дамский  детектив

Галина
[РОМАНОВА]

ПРИНЦИП
ОТЕЛЛО



Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова
Принцип Отелло

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Принцип Отелло / Г. В. Романова — «Эксмо», 2008 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-30562-9

Жизнь Василисы Сахаровой складывалась безмятежно и правильно: заботливый муж, отличная квартира, хорошая работа, прекрасное окружение... И вдруг все как-то сразу рухнуло. Началось с того, что Санька Сигитов, друг детства, объяснился в любви, а потом исчез. Да еще при каких обстоятельствах – его обвиняют в отвратительном убийстве. Нет, такого просто не может быть! Ладно, с чувствами Василиса разберется потом. Сначала надо разобраться, кому понадобилось так подставить гениального хакера. Что хуже всего, куда она ни придет, обязательно наткнется на труп! Неужели Сигитов и правда безжалостный убийца, а не лучший друг, такой вихрастый и... любимый... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-30562-9

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Принцип Отелло

Глава 1

Что такое рикошет, Саня Сигитов успел узнать много раньше того момента, как прочел о нем в умных толковых книгах. Даже много раньше того, как вообще научился читать. Будучи еще совсем ребенком, он узнал об этом, пять лет ему тогда было или чуть больше. А произошло все вот так...

Кто-то из ребят (Артур Глебов, кажется) стащил у старшей сестры баскетбольный мяч и вытащил его во двор. Они тут же принялись играть. Колошматили им, насколько хватало их детских силенок, о стену. Силенок, конечно, было совсем мало, но они настырно пыхтели и раз за разом посылали мяч в стену.

Зачем же тогда Арчи было совершать кражу? – рассуждали они здравым детским умом. Не для того же, чтобы им запросто так вот сдать и начать хныкать, что мяч тяжелый и лететь, как надувной, не хочет. Они и упирались, пока кто-то из взрослых мальчишек не заметил их потуги и не поднял их на смех. Понятное дело, мяч они у них отобрали и уже сами принялись кидать его в стену.

Саня, Арчи и Димон были совсем не против, умотавшись до такой степени, что колготки под детскими брючками намокли от пота. И жаловаться не собирались, а собирались подождать, пока взрослые ребята, которым и было-то на тот момент лет по девять-одиннадцать, наиграются. Одним словом, повели себя достойно, невзирая на юность лет. И все бы закончилось отлично, не отскочи в какой-то момент мяч от стены и не ударь с силой Саню по лицу. Он тут же разразился громким ревом, помчался домой и начал жаловаться матери. Та, понятное дело, прежде чем отправиться на улицу кого-то приструнить, начала допытываться, что да как. Саня ей рассказал.

Вот тогда-то мать и произнесла магическое, как заклинание шамана, слово.

– Милый мой ребенок, – ласково улыбнулась она ему, она всегда улыбалась ему (ласковой, нежной улыбкой, редко хмуря брови и сжимая в тугую линию рот), – никто ни в чем не виноват. Это рикошет...

Ох как долго он потом, перед тем как уснуть, повторял то слово. Зарывался в подушку лицом, которое давно уже не болело, накрывался одеялом с головой и шептал, и шептал, и шептал:

– Рикошет... рикошет...

Ох как не понравилось ему это слово. Очень не понравилось. Ему было очень жутко и неприятно его произносить, но он снова и снова повторял его. Саня сильно надеялся на то, что чем он дольше будет его повторять, тем мягче оно станет. Не останется в нем грубого рокотания, перестанет так ерошить кожу мурашками зловещее шипение в самом конце. Так и уснул, ничего не добившись.

Проснулся наутро, совсем позабыв о неприятном инциденте с мячом, но намертво запомнив странное зловещее слово.

Через несколько лет, став школьником и успешно закончив начальную школу, Саня как-то забрался в библиотеку отца, стащил с полки толстенный фолиант, пролистал до буквы «р», нашел странное слово, не дающее ему покоя с пяти лет, и прочел определение несколько раз.

Толкование было длинным и пространным, Саня для себя усвоил лишь часть его: отраженное движение... Полет после удара обо что-то...

Вот оно, оказывается, что таило в себе странное слово. Вот как незамысловато объяснялось то, что если что-то обо что-то ударяет, это совсем не означает, что ты можешь оказаться вне зоны попадания. Наоборот, велика вероятность того, что и ты будешь задет, и тебе достанется. Пускай и не с такой силой, с которой изначально рассчитывалось, но больно-то может быть. И еще как...

Открытие потрясло десятилетнего Саню Сигитова. Он очень долго, почти все летние каникулы, размышлял о диковинных свойствах рикошета. Даже экспериментировать пытался на друзьях, пока те не заподозрили неладное и не надавали ему по шее. Он обиделся на них и потом целую четверть не разговаривал. В конце концов, конечно, помирился, но про отраженное движение, в большинстве своем приносящее боль, так и не забыл никогда. Более того, прожив четверть века и заработав репутацию, мягко говоря, компьютерного гения, а честно выражаясь – хакера, способного взломать все, что только возможно взламывать, не верящего ни в бога, ни в черта, Саня в глубине души хранил суеверный страх перед странным определением. Определением, перекраивающим судьбы человечества под тем углом, под которым ему вздумается...

– Саня! Саня, оторвись ты, наконец, от компа! Вот смотри, нарвешься, дружище, на статью, будет тебе потеха!

Василиса Сахарова, подруга по детскому саду, школе и двум первым курсам института (потом она перевелась в другой вуз), перевернулась со спины на живот на его тахте, пристроила подбородок на двух кулачках, установленных друг на друга, и пробормотала с грустным недоумением, держа в руках телевизионный пульт.

– И сколько можно показывать сиськи с жопами, не пойму? На какой канал ни переключись, одно и то же. И в рекламе, и в клипах, и даже в мультфильмах на этом делается акцент. Смотрела тут недавно один мультик. Так там у мультяшной героини бюст из платья вываливался. Ноги от ушей, попка орешком. Чему детей учат! Не удивлюсь, если скоро ведущие программ новостей станут сидеть в студиях в чем мать родила. Для рейтинга, так сказать...

– Не болтай чепухи, – лениво отозвался Саня, не отрывая взгляда от монитора. – Тебя просто обычная бабья зависть гложет, вот ты и возмущаешься. А остальным, может, и нравится.

– Да прям! Я вот с мужем со своим сколько раз разговаривала на эту тему, так он категорически против.

Василиса украдкой скользнула взглядом себе за пазуху, где могло быть и побольше, вздохнула и тут же, выдернув правую руку из-под подбородка, пощупала складки на спине, перетянутые полоской лифчика. Где надо – не нарастает, а где не надо – пожалуйста. Да еще сколько!

– Муж твой никогда не станет тебе говорить правду, дурочка, – снисходительно хмыкнул Саня и нахмурился, усмотрев на мониторе не то, что хотел. Тут же принялся стучать по клавиатуре, не забывая бубнить: – Какой же мужик признается своей жене, что ему она давно надоела, что девчонки с красивыми титьками и упругими попками ему много милее, даже если они и скачут в телике...

– Урод ты, Саня, – со вздохом произнесла Василиса. – Хоть бы раз для пользы дела соврал. Одно расстройство с тобой, придурком.

– Я же за правду, Васька! – Сигитов с облегчением выдохнул: ровные столбцы цифр снова запестрели так, как ему было надо. – Муж тебе врет, подруги врут, за спинами козни плетете друг другу. Я один только и способен тебе правду сказать.

– А что мне с твоей правды, Саня? Сиськи, что ли, вырастут? – Василиса перевернулась снова на спину, не без удовольствия поглазев на свой совершенно плоский живот – хоть тут-то природа-мать не разочаровала.

– На кой они тебе, Васька?! Дура ты, что ли? У тебя же есть.

– Мало!

– Так возьми и пришей. Сейчас все так делают.

– Муж не хочет. Говорит, что ненатурально.

– Правильно говорит... Оп-па! Есть! – Саня соскочил с крутящейся табуретки и заскакал по комнате. – Есть, есть, есть!!! Ха-ха-ха!!! Васька, есть!!!

Она наблюдала за его козлиным перескоком по комнате совершенно без интереса. Привыкла давно и к выходкам его идиотским, и к гениальности его. Одно другого совершенно не исключает, была она уверена. В Саньке всего было поровну. Наверняка теперь кого-нибудь снова щипанул, вот и скачет от радости. И чудо случилось, и денег в кармане прибавилось. А вот что ее постоянно удивляло, так это то, с каким благоговейным трепетом воспринимал Санька свершение чуда, которое же сам и сотворил.

– Ты прямо как ребенок, – говаривала Василиса, когда он после своего странного перепляса замирал минут на десять, безмолвно созерцая дело рук своих. – Чего ты млеешь? Ведь гений ты, а не кто-то еще.

– Не-ет, Васька, ты ничего не понимаешь, – шептал он. – Это божий промысел, не иначе. Я порой и сам не понимаю, как все происходит! Надо же...

Все было точно так же, как и всегда. Наплясавшись вдоволь, Сигитов – верный друг, помощник и брат почти – уселся перед компьютером и с полуоткрытым ртом замер.

Василиса вздохнула. Придется срочно топтать на кухню, что-нибудь поджарить или отварить, чтобы вывести его из созерцательного ступора, иначе ее визит может затянуться надолго. А сегодня ей нельзя. Сегодня любимая мама ее мужа к ним в гости грозилась нагрять.

С какой силой суеверно почитал Санька Сигитов слово «рикошет» (он покаялся ей однажды во хмелю), с точно такой же силой Василиса Сахарова ненавидела слово «свекровь». Оно вызывало у нее стойкое суеверное отвращение. Она даже произносить его вслух старалась как можно реже, твердо помня, что поминать лихо, пока оно тихо, не след. А что «свекровь» и «лихо» – слова однокоренные почти, Василиса была практически уверена.

– Саня, ты только вдумайся в смысл этого страшного слова, – рыдала она как-то на его плече. – Оно состоит из двух частей: «све» и «кровь». Сечешь, что это значит? Не знаешь, так я тебе скажу: значит бабе постоянно нужно напиться чьей-то свежей крови. В данном случае моей. Иначе она просто не выживет, если не напьется моей свежей крови...

Наверняка у Сигитова имелась более правильная формулировка для обозначения этого слова, но он промолчал. Молча поглаживал плачущую подругу по голове и старательно скрывал, что страдает вместе с ней. Но ему даже говорить ничего не нужно было – Василиса сама всегда чувствовала сердцем. Чувствовала его сопереживание, желание помочь, защитить, оградить и еще бог знает что сделать, лишь бы ей только было хорошо и комфортно.

Она поначалу подозревала его в тайной влюбленности в себя. Давно, классе в восьмом или в девятом. Пыталась кокетничать. Но Санька тут же пресек все ее выверты, спросив:

– Васька, ты дура, что ли? Ты ж свой в доску пацан для меня и вдруг заигрывать со мной вздумала! Ты прекращай давай...

Она и прекратила. И никогда больше не возобновляла попыток. И обоих такое положение устраивало, до самых сегодняшних пор.

На кухне у Сигитова царил образцовый порядок, насколько такое вообще возможно в холостяцкой квартире. Нет, все было вымыто, пол подметен, шторы на окнах чистые, стекла в них тоже. Но вот тарелки упорно игнорировали сушку над раковиной и стояли высокой ровной стопкой прямо на рабочем столе. Мол, чего надрываться-то, совать их туда-обратно? Нераци-

ональное расходование энергии, считал Сигитов. Чашки присутствовали рядом. Две кастрюли, чайник и сковорода – все его посудное имущество – топорились чистыми боками на газовой плите. Их убирать тоже не следовало, поскольку они всегда должны находиться под рукой. Холодильник был забит до отказа вакуумными упаковками с уже нарезанной колбасой, треугольниками сыра, упакованными в фольгу, салатами в пластиковых контейнерах, фруктами и овощами. Мясо и рыбу Сигитов не покупал, считая, что на их приготовление уходит очень много времени. А его он был лишен. Время – единственное, чего ему всегда не хватало. В остальном он никогда не чувствовал себя обделенным.

Требовались ему деньги? Ну что ж... он брал и щипал кого-нибудь. Безобидно так, немного, но щипал, чтобы ему на жизнь хватало. Подработкой опять же он не брезговал. И если учесть, что платили ему, как профессионалу, более чем щедро, то в щипании и необходимости особой не было. Он занимался этим скорее из обычного спортивного интереса. Чтобы не потерять квалификацию.

– Сигитов, у тебя даже яиц нет! – заорала, возмущаясь, Василиса. – Ну что ты за мужик, в самом деле?

И как так вышло у нее – выразиться столь двусмысленно, она и сама не поняла. Но выпалила и только потом сообразила, что именно сморозила. Хорошо бы он не услышал ее вопля, подумала запоздало. Медитировал бы и медитировал себе...

Но Сигитов, сволочь ушастая, услышал. Влетел на кухню, округлив от возмущения до безобразия сексуальный рот. Вытаращил на нее свои карие очи и как заорет:

– У меня нет яиц?! Ты чего, Сахарова, совершенно оборзела?! Да они у меня... Они из железа, во! У кого хочешь спроси!

– Ну как же, пойду я спрашивать... – захохотала она во все горло. – Я вообще-то отсутствие яиц в твоём холодильнике имела в виду. Куриных яиц, между прочим. А ты о чем?

Сигитов засопел со злостью. Схватил с сухарницы баранку с маком, лежавшую там еще с прошлого визита Василисы, которая не была у него пару недель, и принялся грызть, отвернувшись к окну.

– Чего есть-то станем, Саня? У тебя тут один пластик, – попеняла она ему, роясь в недрах холодильника. – Жрешь черте что! Домработницу себе, что ли, заведи, чтобы готовила тебе.

– Ага! А она станет мои секреты воровать... Посоветовала тоже! – фыркнул гений с набитым ртом – целиком, что ли, баранку воткнул? Откусить-то так и не сумел, сколько ни пытался. – Да ты чего, Васька? Чтоб чужой человек в доме... Нет, это не для меня!

– Женись тогда, – подергала она плечами, узрев на нижней полке две пачки творога с изюмом.

– Жениться? Ну ты... ну ты вообще спятила!

Он повернулся к ней и глянул как на больную. Колесико баранки и в самом деле угадывалось за его левой щекой – не разгрыз, стало быть.

– Жениться, мне? На ком?

– На Вальке Луневой, к примеру, – продолжила она его злить, прекрасно зная, что упоминание о Валентине ее друг воспримет в штыки. – У нее дом за городом после смерти отца остался. Двухэтажный, между прочим! Будет где твоей гениальности парить...

– Да-да, конечно, – с елеиным присвистом перебил ее друг, помощник и брат почти. – Только не забудь, что к двухэтажному особняку, где, предположительно, должна будет парить моя гениальность, прилагается еще Валентина Лунева, у которой грудь, прости, размером с твою задницу. Я таких не люблю. И мама ее тоже в приложении числится.

– И что? Чем мама тебе не угодила?

Василиса вывалила творог из упаковок в высокую миску, добавила туда четыре ложки манки, быстро вымесила и начала катать шарики, плюща их потом до формы сырников. Она знала, что Санька сырники любил, потому и творог всякий раз покупал, чтобы она пригото-

вила. Пачек было две, лежали в дальнем углу холодильника, стало быть, купил давно. Устал ждать ее визита, потому и задвинул подальше и не обновлял давно.

Она, между прочим, тоже по нему скучала. И рвалась душой чуть ли не каждый день в его холостяцкую квартиру. Но вырвешься тут, как же! Муж гундосит: дома сиди. Свекровь... Бр-рр, какое же слово кровожадное! Вампирское слово, честное слово!

– Мама? Теща то есть? – вопил Сигитов, гоняя во рту колесо баранки. – Теща... Слово-то какое приятное! Что-то такое шипящее, тянучее... Ящур почти!

– Ну, договорился, – фыркнула Василиса, сноровисто переворачивая на сковородке румяные сырники. – Ты мне лучше вот что скажи: ты когда свою жизнь устраивать собираешься? Или так и станешь век бобылем доживать?

– Ну, ты прямо как матушка моя покойная... – хихикнул Сигитов, наблюдая с вытянутой шеей за ее стряпней. – Ой сырнички! Супер! А устраивать жизнь без тебя, Васька, я не могу.

– Еще чего! – Сахарова выключила газ и быстро переложила сырники на тарелку, взяв верхнюю из стопки. – Я, что ли, должна тебе бабу в постель привести? Нашел сватью!

– При чем тут это, дура? – Саня выплюнул наконец залежалую баранку, которую все гонял во рту, но так и не довел до съедобной кондиции. – Я не о том вовсе!

– А о чем? – Она снова полезла в холодильник и теперь заметила там банку сгущенки. – А как я еще должна тебе помочь твою жизнь устроить? Как?

– Ты... ты должна в ней просто быть, Васька, – неестественно натянутым голосом вдруг брякнул он ей в спину. – Быть всегда и не исчезать. Таковы все мои требования с желаниями. Вот...

Глава 2

С того памятного вечера прошло почти полтора месяца. Наступила весна, очень рьяно начав топить лед, тревожить почки на деревьях и рыхлить землю резво рвущейся на свободу травой. Солнце уже ощутимо припекало, у Василисы за выходные дни, проведенные в обществе мужа и свекрови на даче, даже лицо загорело.

– Ты чего, деточка, глаза себе портишь? – квохтала свекровь, следовавшая за ней везде по пятам. – Разве можно столько на солнце смотреть! Вот спалишь роговицу...

– У меня глаза закрыты, – неохотно отвечала ей Василиса.

– И что? Ультрафиолетовые лучи проникают сквозь такой тонкий покров кожи и...

И так далее, и тому подобное в течение двух дней. Деточка то, деточка се... Деточке следовало беречь свое здоровье, а не ходить по улице на сквозняках с голым пупком. Ей, мол, еще рожать надо и мужа ублажать. А какое может быть здоровье у женщины, разгуливающей по улицам с голым пузом?

Ох, господи, как же она Василисе надоела за два дня! Как обрыдли ее причитания, нравоучения, намеки! От последнего вообще можно было утопиться в любой луже, даже если она размером с пятак.

Мария Федоровна ждала внуков. Все жаждала понянчиться, поиграться, соседкам своим похвалиться. А деточка никак не могла забеременеть. Вот беда-то! А почему? Да потому, что непозволительно короткие юбки носит, живот оголяет без дела, зимой панталонами брезгует, носит вместо теплой одежды одни нитки.

Ну да, Мария Федоровна не брезговала даже ее трусы инспектировать, которые сохли на полотенцесушителе в ванной. И любимые Василисой стринги называла нитками. И ужасалась притворно, всякий раз потрясая ее трусами у Вадика перед физиономией. Вот, мол, полюбуйся, что твоя жена носит. Тот морщился и молчал. Молчал понятно почему – маме перечить не смел. А вот почему морщился, Василиса не знала. И любопытно ей было: потому ли, что негигиеничной считал мамину выходку, или в самом деле разделял мамино мнение относительно нижнего белья своей супруги?

– Деточка, пойдем что-нибудь приготовим Вадика. Он работал, устал, проголодался. Идем, идем...

Уморительный труд Вадика заключался в том, что он второй день никак не мог навесить калитку. То у него гвозди гнулись и в сухое дерево не хотели влезать, то петли из рук вырывались, то калитку ветром качнуло в самый неподходящий момент. Уж он, бедолага, потел, пыхтел... Сквернословить хотелось ему наверняка, да при маме стеснялся. Дома сто пудов отыграется.

– Идем, деточка, сварим Вадика супчик.

Супы Вадик ненавидел. Он ими был закормлен с детства, поскольку мама потчевала ими его в день три раза, считая, что полезнее нет ничего. От жены он требовал жаркого в горшочках, грибов под сложным соусом, хорошо прожаренных бифштексов, картофеля во всех видах, салатов изысканных, мидий. Произносить слово «суп» в их доме было запрещено. Оно у него вызывало аллергический нервный тик всего тела. Но при маме...

При маме запрет был даже на невроз. Его Вадик тоже приберегал до дома. У мамы за обе щеки уплетал похлебку и нахваливал, а дома на Василисе отрывался.

– Деточка, какой супчик станем готовить Вадика? – закурлыкала Мария Федоровна, вытаскивая из старого дощатого комода крохотную алюминиевую кастрюльку. – Может, гороховый?

– Нет! – чуть громче, чем полагалось, воскликнула Василиса, свято храня тайну, что от горохового супа у Вадика еще и кишечные колики. – Давайте лучше лапшу.

– Ну что ж, лапшу так лапшу... – недовольно поджала тонкогубый рот свекровь. – Вечно вам не угодить. Поддай мне пакет с мукой, деточка.

Ее имя Мария Федоровна игнорировала с первого дня знакомства, считая его немодным и даже кошачьим. Никаких производных от ее имени признавать тоже не хотела. Прилепила ей человеческую вполне кличку «деточка», тем и осталась довольна.

Вадику имя жены тоже было не очень по нраву. Он его долго коверкал на все лады, пока не остановился на имени Валиса, благополучно опустив слог «си». Один только Санька и млеет от ее имени, называя ее то ласково Василисушкой, то официально-снисходительно Василисой Микулишной (хотя она была Егоровна), то Васькой. И так как-то выходило у него здорово, что Василиса со временем и сама полюбила свое имя, хотя в детстве нередко рыдала по его поводу.

Санька... Ох, Санька, Санька! Ну и наделал дел...

Василиса поспешно сунула свекрови в руки пакет с мукой и заспешила на улицу. Не дай бог разветься при старой чокнутой дуре, тогда точно топиться придется. Она ведь не отстанет и будет придумывать и придумывать ее слезам объяснение за объяснением. Начнет донимать Вадика, а тому и без того труба дело – ему еще суп сегодня есть придется. Он станет нервничать, дома все будет накалено докрасна после этого. А ей такое надо?

Она все же всхлипнула тихонько на заднем дворе, усевшись на вязанку никому не нужных дров. Печки в доме не было – давно газ провели, еще свекор покойный постарался. Костров на этом дворе тоже не разводили (канцерогены и все такое), шашлыка не жарили – купить готовый можно. Василиса подозревала, что дрова тоже от покойного свекра остались в наследство. Ну что же, хоть за то ему спасибо. Она хоть на них посидеть может вдали от посторонних глаз, и погоревать тихонько, и поругать этого дурака чертова – Саньку Сигитова.

Ну и наделал дел, ну и наделал! Какого черта молчал все эти годы? Почему раньше не сказал? То она была для него своим в доску пацаном, а то вдруг в его жизни должна быть. И вот как понимать его слова прикажете? Когда прозрел, когда созрел? Четвертак жизни должен был прокатиться, чтобы он до такого решения дозрел, да?

А ей что теперь делать? Вадика бросить она не может. Она его любит... кажется. Да и страшно как-то бросать теперь, когда все только-только налаживаться стало. Она за многое ему была благодарна: за мужество, к примеру, за выдержку, за терпение, за твердое плечо, которое он несколько лет подряд подставлял ей.

Сколько они мотались по съемным углам, сколько мытарств и лишений претерпели! Бывало, что на одной раскладушке спали в обнимку. И чай вприкуску с малосольными огурцами пили, потому что больше не с чем и не на что купить. Потому что студентами были. Потому что к его родителям на поклон не хотели идти, поскольку Василису не приняли ни мать, ни отец. А ее родители бросили дочку еще в младенчестве на бабушку, которая умерла, оставив ей лишь деньги на спецсчете на обучение. У Василисы хватило ума выучиться, а не спустить все деньги на шмотки и гульбу. У Вадика тоже хватило ума не претендовать на те деньги. Он даже согласен был хлеб с солью есть, лишь бы Василиса закончила учебу. За это она ему тоже была жутко благодарна.

А когда он, первым закончив учиться и первым устроившись на работу, принес ей в подарок с первой зарплаты крохотные золотые сережки, она ревела над ними всю ночь. Таких подарков ей никто и никогда не делал, только вот муж теперь. Разве такое забывается? Разве за подобное не благодарят?

А потом в их общей совместной жизни начали случаться чудеса. Может, за их долгое терпение господь их наградил. Может, посчитал, что на их долю скитаний хватит. У Вадика-то все вроде было ничего: родители как родители, детство как детство. А вот у нее...

Перво-наперво у Василисы вдруг объявился какой-то дальний родственник ее матери, бросившей ее в младенчестве. Правда, объявился он уже после своей смерти, завещав ей огромную квартиру – из целых трех огромных комнат в центре города. Василиса ошалело

смотрела на нотариуса, нудно зачитывающего ей условия завешания. Потом где-то расписывалась. Потом с тем же ошалелым видом забрала ключи от квартиры в жилищно-коммунальной конторе. Оторопело переступила порог квартиры, показавшейся ей тогда сказочным замком. И все не могла поверить, что происходящее – реальность. Казалось, сейчас она пошире распахнет глаза – и мираж, желеино дрогнув, исчезнет.

Ничего не исчезло. Квартира перешла в ее собственность. И сказочным замком она, конечно же, не была – ремонт в ней не делался со дня сдачи дома. Порядок не наводился с того же времени, наверное. К тому же ее родственник по матери, упокой господи его добрую душу, совершенно не признавал такую статью расходов, как коммунальные платежи. Когда им вручили квитанции с долгами по платежам, Василиса снова расплакалась. Теперь уже от отчаяния.

У них не было таких денег! И взять их было просто неоткуда! А в ЖЭКе категорически сказали, что если они не погасят долг в кратчайший срок, то квартиру конфискуют. Мол, у хозяина не успели: умер тот не ко времени, так у наследников отберут.

И тут снова чудо! Родители Вадима (тогда еще был жив свекор Станислав Гаврилович) вызвались сделать им неслыханный по щедрости подарок. Они предложили погасить всю задолженность из личных сбережений.

– Ладно, Вадик, – шептала Мария Федоровна тайком от Василисы сыну в собственной прихожей, – коль не бесприданницей оказалась твоя деточка, стало быть, и мы лепту внесем. Чего же тебе в примаках-то... Негоже. Еще станет потом попрекать. Еще и не пропишет...

Тот их разговор Василиса случайно подслушала. Хотела было обидеться, но потом передумала. Пускай хоть с таким подтекстом, да помогут. Обидно было бы лишиться подарка судьбы, едва успев его получить.

И еще одно чудо не заставило себя долго ждать – Вадика предложили работу. Да какую! Ему предложили должность финансового директора в одной очень солидной фирме, положив зарплату на время испытательного срока... Василиса даже задохнулась, услышав цифру.

– Так не бывает, Вадик! – ахнула она, когда муж начал кружить ее по пустым комнатам с облезлыми стенами. – А потом? После испытательного срока? Она останется прежней, так ведь?

– Будет вдвое больше, Валиса! Вдвое больше, душа моя! А потом и тебя туда пристрою. Вот погоди, только освоюсь...

К ним на фирму она не пошла, сочтя, что работать вместе очень сложно и политически неверно. Муж – финансовый директор, жена – ведущий бухгалтер. Как-то не по правилам, мало ли что люди подумают.

Вадик дулся недели две. Потом успокоился и согласно закивал. Да, мол, может быть, ты и права. Не сошелся же свет клином на этой конкретно фирме и ее бухгалтерии. Что-нибудь можно подыскать и другое.

И подыскали ведь! Совершенно тоже случайно. Валялись как-то на стареньком диване – новую мебель решили покупать всю скопом после капитального ремонта, – рассматривали газету с объявлениями о трудоустройстве, звонили попеременно, перечеркивали крест-накрест колонки, ставшие бесполезными, и тут вдруг...

И тут вдруг Вадик говорит:

– Слушай, а у меня где-то визитка завалилась одного весьма солидного и интересного местечка. Супруги держат гостиничный бизнес, разрастаются, расширяются, набирают штат, я слышал. Давай попробуем?

– А им нужны бухгалтеры? – Василиса вертела в руках визитку коммерческого директора.

– Кажется, нет. Но кто-то мне говорил, что нужны менеджеры или что-то в этом роде. Позвоним, а?

Она поупиралась немного, все-таки менеджмент никогда не был ее коньком, но потом позвонила.

И снова в десятку! Ей назначили день собеседования. Она съездила туда, одна, без Вадика. Он даже не знал, когда она поедет. И ее взяли! Причем с такой зарплатой, о которой она и мечтать не смела.

Устроились, одним словом.

Следующий год они прожили в лихорадке. Кое-как спали, редко отдыхали, на ходу питались и работали, работали, работали. Заработали вполне приличную сумму, отремонтировали и обставили квартиру, купили каждый себе по машине. Правда, ей пришлось оформлять кредит, на все не хватало. И...

И что же теперь, после заявления Саньки Сигитова, которое он вынашивал в течение детства, отрочества и юности, все это бросить к чертовой матери? Просто взять и уйти к нему? А как же квартира? Как же ее первый настоящий дом? Не делить же его, не рвать на части из-за собственной блажи. Вернее, из-за блажи Саньки.

Ну да, им хорошо вместе. Да, скучают они, когда долго не видятся. Да, у них родство душ и все такое. Но это же не значит, что то же самое сможет сохраниться, если они станут жить вместе! Они, может, и выдержат неделю, другую. А потом что? Квартиру уже разделят, разорвут на части. К Вадикю назад нельзя, он ни за что не простит такой подлости. Он хоть и нудит в последнее время, и вспыхивает все чаще, но он удобный вместе с тем. Удобный, как старые шлепанцы и старый банный халат. И у нее с ним тоже что-то вроде понимания.

Не-ет, она семью разрушить не сможет. Слишком много поставлено на кон, слишком! И она то, что поставлено, слишком дорого ценит, потому что предыдущую свою жизнь была лишена этого. Да что там говорить, даже мечтать о нем не смела!

А Сигитов... Сигитов пускай катится к черту со своими глупыми заявлениями. Он вот брякнул, может, и забыл давно, а она его слова в голове гоняет, не спит по ночам, даже осунулась. Свекровь и та заметила. Засюсюкала, когда они ее забирали на дачу:

– Деточка, что-то ты неважно выглядишь. Побледнела, круги под глазами. Ты не забеременела?

– Ма! – вмешался Вадик, зная, как неприятно его жене слышать об этом от свекрови. – Прекрати! Никто не и ничего. Усаживайся.

Ма надулась и кряхтела всю дорогу: то ей душно, то, наоборот, от кондиционера холодно. И вообще молодежь могла бы и впереди старухе место уступить (то есть уступить ей свое место должна была Василиса), мол, нервные все стали и не то что родить – уважить стариков не могут.

Вадик молчал и хмурил брови, но приструнить мать не посмел, зная, что будет только хуже. А Василиса...

А Василиса мстительно думала о том, какая же она молодец, что вовремя вставила спираль. И свекрови лишний повод был насолить, и Вадик не особенно жаждал прибавления в семействе. А вот забеременела бы ненароком, что тогда? Ма бы вовсе к ним переехала, она не раз о своем желании заявляла. А Вадик и вовсе тогда бы переселился на свою фирму и перестал приходить домой.

– Не хочу я! Пеленки, ползунки, бр-рр... – мямлил он жене неоднократно. Поглаживал с упоением ее плоский живот и приговаривал: – И фигура опять же у тебя такой никогда уже больше не станет. И мать... Ты представляешь себе ее рядом? В этой квартире?

– Нет! – содрогалась она.

– Вот и я тоже. – Он вздыхал и тут же спешил оправдаться перед самим собой: – Она же пожилой человек. Ей тяжело будет с нами. У нас то гости, то матч футбольный за полночь, мы не ограничиваем себя в громкости и свободе передвижения. А тут она... Представляешь, я иду ночью в туалет совершенно голый, и тут ма из своей комнаты!

О том, что маме в случае рождения ребенка можно было бы просто-напросто запретить переезд в их квартиру, Вадик даже и не думал. На его маму в его лексиконе не было запретов. Так, легкие штрихи вежливого укора, когда она особенно распоясывалась, да и только...

– Валиса, ты чего здесь?

Муж вынырнул из-за угла совершенно неожиданно и застал ее врасплох. Она даже слезы не успела с лица смахнуть. Он тут же заметил, в сердцах швырнул на землю молоток с плоскогубцами, выругался, что было совершенно неестественно для него, и тут же воскликнул, правда, успев сначала опасливо оглянуться:

– За каким чертом мы с тобой вообще приперлись на дачу?! Отдохнули бы дома, вдвоем! Нет, поперлись... Она что, совершенно тебя достала, да, малыш? Суп еще теперь жрать придется! Какой хоть варит? Не гороховый случайно?

– Отговорила, – пробормотала со вздохом Василиса. – Должна быть лапша, но ты ведь ее знаешь, может пойти наперекор.

– Черт! – Вадик подошел к вязанке дров, сел рядом, подергал задом, пододвигая Василису, и снова завел: – Черт! Давно бы продала эту халупу. Все таскается и таскается сюда и нам покоя не дает.

– Что за нее возьмешь? Крыша течет в нескольких местах. Пол прогнил почти.

– Да тут само место, знаешь, сколько стоит... – Он просто задохнулся от ее недалёковидности и упрекнул со вздохом: – И как тебя только на работе держат, не пойму!

– Да уж держат, – не стала она обижаться, успела привыкнуть к таким заявлениям супруга. – Я же не торгую недвижимостью и территорией под застройку. Я занимаюсь всего лишь поставкой гостиничного реквизита, оборудования. И контролирую ее.

– Уж ты проконтролируешь.

– Как могу, так и контролирую!

– Ладно, не дуйся.

Вадим довольно заулыбался, поняв, что задел-таки ее за живое. Он будто всякий раз тестировал ее чувствительность к собственным нападениям. Если жена делала вид, что ей все равно, Вадик непременно продолжал ее жалить, жалить и успокаивался лишь тогда, когда она обижалась. Вот такой он был человек – ее муж.

– Деточка, а где Вадик? – Из-за угла вынырнула Мария Федоровна с перевязанной старой косынкой головой. – А, и ты здесь, сыночка. Идем скорее, супчик готов. Устал?

– Да нет, – бесцветным, как вялый капустный лист, голосом промямлил сыночка.

– Сделал калитку, Вадюша?

– Нет. Дерево железное просто, я весь измучился, – прохныкал он, зная, что после этого мать непременно отстанет.

Та и правда пожевала немного губами, покосилась на сноху и снова позвала:

– Идемте, супчик готов...

Она ведь все же сварила гороховый суп, упрямая старая стерва! Зачем ей тогда мука нужна была? Зачем она ее просила? Просто для того, чтобы деточка не стояла столбом посреди кухни, а делала хоть что-нибудь? Ох, до чего же баба отвратная...

– Кушай, кушай, Вадюша, я тебе еще добавочки налью, – ворковала Мария Федоровна, обмахивая с его плеч пыль. – Джемпер-то совсем грязный. Что же ты, деточка, не стирала, а? Или поругались вы? Видала я, что ты плакала. Что случилось-то? Правда поругались?

Ох, сколько надежды было в ее вопросе, сколько тайной радостной надежды: а может быть... а вдруг... И тогда-то...

– Он работал в нем два дня, – стиснув зубы, чтобы не начать орать, отрезала Василиса. – И вообще... Вообще нам пора, Вадик. Мне завтра очень рано вставать. Дома есть еще кое-какие дела.

– Ох, ну какие же у тебя дела-то могут быть? – с насмешкой удивилась и всплеснула руками свекровь.

– Мужа обстирывать буду! – уже плохо себя контролируя, рявкнула Василиса. – Ты едешь, Вадик, или мне ловить такси?

В другое время он бы ей выдал за ее непростительную выходку... Уж он бы ей устроил под ободрительное кивание Марии Федоровны... Но теперь не мог. И гороховый суп был тому причиной. Он тарелку-то с трудом вычерпал, а мать уже рядом наготове с кастрюлькой стояла, намереваясь подлить добавки. А потому только и сказал:

– Да, едем, Валиса. Ма, собирайся!

И, бросив виноватый взгляд в спину матери, которую та намеренно горестно сгорбила, громким шепотом, таким, чтобы ма непременно услышала, процедил:

– А с тобой мы еще дома поговорим, Валиса...

Глава 3

Конечно, он устроил ей дома выволочку, как любил он называть собственное полутора-часовое нудное пыхтение. И неправильно-то она себя ведет по отношению к его матери... и могла бы быть терпимее... а непозволительные голосовые интонации и вовсе простить невозможно...

– Мать у меня одна, Валиса! Понимаешь? – свистящим шепотом возмущался Вадик. – И я у нее один! Было бы нас пятеро, а так...

– Что – так? – Она вяло ковырялась вилкой в салате, стараясь не провоцировать мужа на новый всплеск праведного негодования, но не удержалась. – А если ты у нее один, то что «так»?

– Как ты не понимаешь?! Ну как ты не понимаешь! Я единственный ее наследник. Все, что принадлежит матери, со временем перейдет ко мне, – его шепот стал чуть громче.

К слову, он почти всегда скандалил шепотом, чтобы соседи не услышали. Кто-то когда-то рассказал ему во дворе, что их соседка тетя Рая страдает чрезвычайно обостренным любопытством. И будто бы даже кружку к стене прикладывает, чтобы быть в курсе происходящего в соседних квартирах. Правдой то было или нет, Василиса не знала. Сама по данному поводу никогда особенно не печалилась и, если приходилось, голос повышала. А вот Вадик соблюдал осторожность. Выносить сор из избы чужими языками – он не мог такого позволить, вот и шептал.

– Знаешь, милый, а ведь она еще и нас с тобой переживет, – ухмыльнулась Василиса последнему заявлению мужа.

– Это ты к чему?

– Я про твои надежды на скорое наследство. Твоя мама будет очень долго жить, поверь мне. – И тут же про себя она добавила: «Подобные паразиты обычно бывают долгожителями». – И посему я не обязана ради твоих призрачных надежд терпеть такие мытарства. Причем ведь ты в глубине души со мной согласен, просто не хочешь мою правоту признать. Кстати, как тебе гороховый супчик? Как желудок, не ноет?

– Знаешь, ноет! – горестно воскликнул Вадик, положив ладонь на живот. – Уж мне ее суп... У нас кефир есть?

Слава богу! Тема мамы была благополучно забыта до следующего выезда за город. Вадик целиком и полностью переключился на свое «я», а оно у него ни с кем конкурировать не могло. И напряженность в доме мало-помалу растворилась. Даже до постели благоверный сподобился, и невзирая на мамин суп!

Где-то через полчаса, восстановив дыхание, он вдруг приподнялся на локте, что само по себе было странным – обычно он засыпал почти сразу, сдвинул с влажного лба жены прядь волос и вкрадчиво так спросил:

– Слушай, детка, а все же почему ты плакала?

– А? О чем ты? – Василиса изобразила недоумение, хотя ровно мгновение назад думала как раз про Саню и о причине своих слез.

– Ой, вот только не надо! – фыркнул Вадик и дунул ей в ухо, зная, что она от этого приходит в бешенство. – Не из-за мамы же моей ты рыдала, Валиса!

– Из-за твоей мамы можно не только рыдать, поверь мне. Из-за нее даже можно удаться.

– Нет, ну почему ты плакала? – настырничал Вадик, не давая ей заснуть. – Не отстану ведь, так и знай!

Он и правда не отстанет, он такой. Надо было срочно что-то придумывать. Что-то такое, что не показалось бы ему обидным, что не вызвало бы необходимость придумывать еще одну ложь и чтобы придуманная версия показалась ему объективной причиной ее слез.

Ничего не придумывалось, как нарочно.

О неприятностях по службе разговор затевать не стоило. Вадик там со многими знаком, мог бы начать выяснять, а то еще, чего доброго, настаивать на ее увольнении.

Подруг у нее практически не было, так что тема с их проблемами тоже не прокатывала – списать настроение на козни не удастся.

Про здоровье тоже врать не стоило – этого Василиса суеверно боялась. Оставался Санька. Надо было что-то врать про него. А что?

Она вздохнула и пробормотала:

– У Саньки проблемы.

Настороженно помолчала, посмотрела на Вадика сквозь ресницы. Кажется, новость его вполне устраивала. Так и есть – кивнул согласно и тут же подхватил тему:

– А я всегда знал, что твой лохматый хакер плохо кончит.

– Ну, зачем ты так, Вадик? И почему обязательно все должно быть плохо? Может... – Лихорадочно поискав слова, она не нашла ничего лучшего, как дипломатично заявить: – Может, все еще обойдется.

– Скажешь тоже! – фыркнул он, откидываясь на подушки. – Обойдется... За это, я слышал, запросто можно срок схлопотать.

За это? За что «за это»?

Василиса разволновалась. Что такого про Саньку знает Вадик, чего не знает она? Что могло случиться за то время, что она не была у Сигитова? Санька влип, да? Куда он влип? И почему о его проблемах знает Вадик, а она нет? Как выведать? Надо же осторожно! Начни сейчас к нему приставать с расспросами, тогда причина ее слез снова останется невыясненной. А не расспросить тоже нельзя, она же не уснет...

– Может, все еще и обойдется, – снова повторила она, замерев в ожидании.

Ну же, Вадик, ну! Давай, выбалтывай то, что тебе известно! И откуда тебе что-то известно тоже!

– Даже если и обойдется с ментами... – задумчиво начал Вадим.

Внутри у нее все моментально вымерзло, как в Арктике. А потом занялось огнем, затем прекратило пульсировать и стучать вовсе, ухнув куда-то к пяткам.

Влип! Боже, Сигитов – дурак чертов! – все-таки влип! Милиция? Вадик говорит о милиции? Саньку засекли, стало быть?

– Даже если и обойдется с ментами условным там наказанием или штрафом, то тот крутой мужик ему все равно не простит ухарства, – продолжал рассуждать Вадик, глаза в потолок. – Скажите, пожалуйста, умник какой, пощипать он решил... И кого! Мозги-то надо иногда включать, нет? Думал, если у мужика миллионы, то пропажи пары сотен он не заметит? Нет, мил друг Саня, деньги счет любят. И богатым считается не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто разумно тратит. А если тот миллионер тратил разумно, то наверняка удивился, с чего вдруг у него со счетов регулярно пропадают денежки.

– Прямо так уж и регулярно! – перебила его Василиса, сразу поняв, в чем дело. – Санька никогда не злоупотреблял. Он вообще редко щипал.

– Много ты знаешь, кукла с глазами! – поспешил обидеться Вадик на то, что она защищает Сигитова, и передразнил: – «Редко щипал»... За редко бьют метко! Поняла?

– А ты прямо знаешь! – Она резко повернулась к нему спиной, тут же начав выдергивать из-под него одеяло. – Прямо тебе пришли и доложили, сколько денег пропало да с чьих счетов! Ладно, я. Я – друг. Но вот ты-то откуда все знаешь?

Последнее было узнать ей особенно интересно.

В дела Сигитова она никогда мужа не посвящала. А Вадим особо и не жаждал быть посвященным. То же самое наблюдалось и со стороны Сани. Он не то чтобы ревновал, он просто не желал ничего про Вадика слышать. Теперь-то понятно почему. А раньше Василиса думала,

что Санька просто вредничает. Или манией величия страдает. Таким образом она иногда подкалывала Сигитова, в шутку упрекая его в заносчивости.

– Ну вот скажи, откуда ты обо всем узнал, милый? Откуда такой поток информации? – удвоила она натиск, потому что Вадик неожиданно умолк. – Не милицейские же сводки тебе по факсу прислали... Не сам же он тебе сообщил...

– Сам, – коротко обронил Вадик и зевнул сонно. – Ты в ванной была позавчера вечером. А он как раз позвонил.

– Почему ты ничего не сказал мне?! – внутри у нее все снова начало покрываться коркой льда. – Вадик, когда я вышла из ванной и спросила тебя, кто звонил, ты что мне ответил?!

– Не помню. – Он завозился, отворачиваясь от нее.

– Ты сказал, что тебе звонили со службы. Так?

– Может быть, не помню. Чего ты пристала вообще? Ты и без меня все знала, стоит ли устраивать разборки – сказал, не сказал...

– Что он хотел от тебя конкретно?

– Он... – Вадик судорожно вздохнул. – Он просил передать тебе, чтобы ты позвонила Глебову и чтобы тот подключил свои связи.

– А ты?... Ты что вместо этого сделал, гад? Ты ничего не сделал! У него в тот момент, может быть, милиция в квартире была, а ты...

– Не может быть, а была. Ему разрешили сделать один звонок перед тем, как забрать его вместе с ящиком. До Арчи он не дозвонился, вот и решил тебе позвонить.

– Почему ты мне ничего не сказал, Вадим? Объясни, почему?

– Забыл.

Он издевался над ней. Издевался или втравливал в какую-то новую для нее игру, правил которой она пока не знала.

– Но как можно забыть о таком? Он же просил тебя передать мне, чтобы я позвонила Глебову!

– Я сам и позвонил ему. Все, детка, отстань, я спать хочу. – И Вадим, стащив с нее огромный кусок одеяла, накрылся с головой.

– Кому ты позвонил? Кому ты сам позвонил, Вадик? Не спи, отвечай мне! – Василиса села на него верхом, стянула с него одеяло и принялась трепать за щеки, намереваясь если не выспросить, то выбить из него всю правду. – Кому ты позвонил после Санькиного звонка? Кому?

– Да Арчи я позвонил, чего пристала, сумасшедшая! – Он лягнул ее ногой, спихивая с себя, и снова упаковался в одеяло, пробубнив оттуда: – Арчи сегодня звонил мне, сказал, что все уладил.

– Что уладил?

– Подробностей не знаю. Возьми и сама разузнай. К Сане своему съезди, ты что-то давно его не навещала. Поругались, что ли? Все, Валиса, отвали от меня, я спать хочу, завтра рано вставать.

С горем пополам, но она все же разжилась информацией.

Сигитов где-то в чем-то прокололся, и его вместе с его компьютером арестовали. Случилось это позавчера вечером. Потом Глебов позвонил Вадиду и сказал, что все утряслось. А что конкретно утряслось-то? Саньку выпустили или нет? Его станут судить, или он отделается крупным штрафом? И что там болтал насчет серьезного мужика Вадик – к кому в карман залез Сигитов?

Все, завтра после работы она, невзирая ни на что, поедет к Саньке. Она станет общаться с ним, как и прежде. Станет делать вид, что того последнего разговора не было. То есть никаких пожеланий относительно их совместного будущего она от него не слыхала. Это все перечеркнуто жирным словом – нет. И к теме возврата не будет. Теперь другая тема на повестке дня –

тема Санькиной свободы, а может, и безопасности даже, если тот дядя, которого он щипанул, так уж серьезен.

Глава 4

Саня обнаглел настолько, что не хотел впускать Василису к себе в квартиру. Гнусавил что-то из-за двери, довел ее до белого каления. И через десять минут пререканий она, повернувшись к двери спиной, начала молотить по ней ногами.

– Ты что делаешь, Васька? – заныл Сигитов тут же. – Ну, что ты делаешь? Соседей перепугаешь, а они и так...

– Если не откроешь, сейчас вызову пожарных, скажу, что ты горишь! – заорала Василиса не своим голосом. – Ты что там, офонарел совершенно? Открывай давай!

В замке неуверенно заскрежетало. Дверь чуть приоткрылась, и Санька, высунув нос из квартиры, промямлил:

– Ну, здорово, Василиса Микулишна. С чем пожаловала?

– Свихнулся? – на всякий случай решила она уточнить, глядя на его помятую физиономию во все глаза. И тут же предположила: – Или ты не один? С девицей, да? Я помешала?

– Да один я. Но... Но ты помешала. Может, в другой раз зайдешь?

– Другого раза может и не быть.

Он вздохнул. Отодвинулся от входа, давая ей возможность ступить с лестничной клетки в квартиру. Потом запер за ней дверь на два имеющихся замка, что случалось крайне редко – прежде он мог вообще ее не запирать, забывал потому что. Привалился к коридорной стенке, сложил руки перед грудью и тут же с вызовом произнес:

– Ну и че?

– Да хоть че! Совсем дурак, да?

Василиса бросила сумку на пол, потому что больше положить было некуда. Тумбочка из-под зеркала куда-то подевалась. А тумбочка дорогой была, купленной Санькой в антикварном магазине. Продал он ее, что ли, за долги? Ладно, выяснению еще предстоит случиться. Стащив с себя легкий плащ, подергала им в воздухе, предлагая Сигитову принять его из ее рук. Тот продолжал стоять столбом и продолжал смотреть на нее с редкой недружелюбностью.

– Сань, что с тобой вообще? Ты не болен?

– Нет.

– Плащ тогда возьми у меня.

– Плащ? – Теперь он уже на плащ уставился, как на недруга. – Плащ можно... А ты что, надолго?

– А что, нельзя? – вспыхнула она тут же. И не стала разуваться, потопала прямо в сапожках в его комнату. – Так что происходит, Сигитов? Я понимаю...

– Нет, ты не понимаешь! – закричал он ей в спину, продолжая стоять столбом теперь уже с ее плащом в руках. – Ты ни черта не понимаешь, Василиса! Понимала бы – не приперлась бы.

– Вот для того, чтобы я к тебе больше никогда не приперлась, я и хочу понять. Вот потому-то я и здесь. И учти, визит к тебе будет стоять мне очень нудного семейного разбирательства, выяснения, почему и во имя чего я оставила семейный очаг сегодняшним вечером. И так... Да повесь ты его уже куда-нибудь! Не будь ты таким идиотом!

Куда-то он все же плащ пристроил. Возможно, даже на вешалку, что было бы вполне логичным. Хотя мог и на пол бросить, потому что впечатления существа разумного сейчас Саня не производил.

Зашел. Сел за осиротевший стол, где раньше стоял его компьютер, зажал ладони между коленками, сдвинул плечи и обронил:

– Ну вот и все, Васька.

– Что все?

– Кончилась моя жизнь. Понятно?

– Нет. Поясни. – Она по привычке упала животом на его диван, подставила под подбородок оба кулака и требовательно уставилась на друга, помощника и брата почти. – Давай рассказывай, а то я ведь ничего не знаю.

– Я звонил. – Санька глянул на нее из-под длинной белокурой челки с болезненным укором.

– Узнала только вчера поздно вечером.

– А-а-а...

Он поверил ей сразу, потому что они никогда не врали друг другу. Ни просто так, ни из-за прикола. Не принято у них такое было. Но не удержался от уточнения:

– А почему? Вадик не сподобился рассказать?

И тут же его все-таки на эмоции пробило, Саня аж скорчился:

– Как же! Скажет он! Не пристало его жене с уголовником дружбу водить!

– Слушай, давай по порядку, – остановила Санькины выплески Василиса. – Говори, что стряслось.

– Что стряслось, что стряслось... – Он вздохнул, с сожалением поглядев на свои руки, применения которым теперь не находилось. – Взяли меня, Васька!

– Как это?

– За задницу. Буквально взяли, прикинь!

– Щипал опять, гадина? – Она, не выдержав, подскочила на диване, усаживаясь. – Сколько раз тебе было говорено: Санька, смотри, попадешься, Санька, заканчивай, влетишь...

– Ну, завела! – в тоске закатил он глаза. – Я так и знал, ныть начнешь и причитать. Потому и впускать тебя не хотел. И еще по одной причине.

– По какой?

Саня так сильно вжал голову в плечи, что Василиса испугалась за состояние его позвонков. Не переломились бы, выдержали бы.

– Мне угрожают.

– Кто?

– Тот человек...

– Которого ты щипанул, да? – Она еле подавила очередной заунывный упрек. – А как он узнал? Ему что, менты сообщили? Не может такого быть! И ты же никогда не злоупотреблял, Саня. Почему тогда?

– Вот ты можешь хотя бы раз выслушать до конца, балаболка? – взорвался Сигитов так неожиданно и в такой несвойственной ему манере, что Василиса в испуге откинулась на диванные подушки. – Что ты все время меня перебиваешь, Васька? Только хочу рот открыть, а она...

– Открывай, – перебила его Василиса.

– Дело в том, что на меня наезжают совсем другие люди. Совсем не те, к которым я внедрился. И не щипал я ни у одних, ни у других. Просто... просто увидел кое-что.

– Что? – Она не хотела – да рот открыла.

Знала, конечно, что он гениальный компьютерщик. Не раз следила за его чудачествами, назовем его действия так. Но чтобы что-то увидеть... Это было нечто новенькое.

– Короче, слушай...

От того, что ей рассказал Сигитов, ей едва не сделалось дурно. До лекарственных препаратов дело, конечно, не дошло, да их у Сани и не было. А вот водой ему подругу пришлось отпаивать.

– Ты хочешь сказать, что способен был увидеть то, что видел тот человек? Он сидел на работе, включил компьютер и смотрел на то, что у него делается дома, а ты смотрел вместе с ним?

– Да, я сумел влезть к нему в машину и... Короче, всех тонкостей я тебе рассказывать не буду, но тот тип, как я понял, устроил слежку за своей женой.

– Она ему изменяет? А он все видел, сидя у себя в кабинете? – ахнула Василиса, тут же пожалев несчастную из женской солидарности – угораздило же бедняге нарваться на такого подозрительного козла. – Но ведь если увидел ты, то мог увидеть еще кто-нибудь!

– Мог... Но не видел. Это не так просто, во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, она ему не изменяла. Во всяком случае, дома.

– Ладно, я поняла. Криминал-то здесь где? Если муж-козел решил обзавестись подобной системой наблюдения, то мог хотя бы предположить, что снятое может стать достоянием общественности.

– Мог, – кивнул удрученно Сигитов. – Но не предположил.

– И?

– И я ей позвонил. – Голова его ушла в плечи уже по самые уши. Как Саня вообще разговаривать мог, оставалось загадкой. – Не смотри на меня так!

– Кому ты позвонил, придурок? Постой, попробую догадаться... – Василиса слезла с дивана на пол и закружила вокруг стула, на котором сидел приговоренный Саня. – Ты каким-то образом узнал домашний номер телефона того крутого мерзавца...

– С ним-то было несложно. Я узнал дом, там камеры повсюду, даже во дворе. Дом очень приметный, ты мимо него тоже часто ездешь. Его не угадать грех. Я и угадал. А номер телефона вообще пустяк, – поспешил объяснить гений от хакерства.

– Допустим. Значит, ты узнал номер, позвонил той бабе... И что сказал?

– Я ей сказал, что муж следит за ней через камеры внутреннего слежения.

– Идиот!

– Согласен.

– Ни одно доброе дело не остается безнаказанным! – Василиса всплеснула руками и прохныкала: – Дальше все понятно. Она наверняка устроила мужу истерику. Тот начал расследование: кто и как смог... ну и так далее. И вышел в конце концов на тебя.

– И вышел на меня. Но не он!

Да, да, вышел на Сигитова совершенно другой персонаж (так Саня называл людей, в базу которых хоть когда-то внедрялся).

– Клянусь тебе, его я не трогал. Я мог бы состричь с его счетов чуть-чуть... но ничего такого не делал, честно! – Голова у Сигитова вернулась на прежнее место, но теперь глаза полезли навывкат. – Я не посмел бы! Он очень серьезный персонаж!

– Ладно, дальше, – скомандовала Василиса, еще не осознавая до конца масштабов бедствия.

А дальше было так. В один далеко не прекрасный вечер, как раз тогда, когда Василиса улеглась в пенную ванну и с тоской размышляла о предстоящих выходных в обществе све-крови, к Сане заявила милиция. Быстро, без лишних объяснений, она вынесла из дома его компьютер и все, что к нему прилагалось, включая даже диски с игрушками и коробки со старыми дискетами, которыми он давным-давно не пользовался. Потом самого Саню посадили в камеру-одиночку, где он промучился от сознания собственной глупости почти до самого утра. А потом вызвали якобы на допрос. Только никакого допроса не было. Нет, разговор состоялся, но не с работниками правоохранительных органов, а как раз с тем самым персонажем, к которому он не раз наведывался «в гости», но счетов которого ни разу не осмелился тронуть.

– Но он-то думает и утверждает по-другому! – сипло завопил Саня, когда Василиса снова начала на него орать – просто не выдержали нервы. – Он утверждает, что я снес с его счетов целую кучу зелени! И я должен их вернуть за неделю. А где я возьму?

– А милиция что?

– А милиция ничего. Отпустили, пожурили, что очень странно. Никакого протокола, ничего! Комп не вернули, но и дела никакого не завели. Даже штрафа не было, прикинь! И

запретов никаких мне не чинили. То есть я хочу сказать, что не взяли с меня подписки, что я больше не сяду за комп.

– А персонаж? Он как отреагировал на такое беззаконие?

– Думаю, он его и диктовал. Или заказывал.

Василиса прищурилась подозрительно.

Что-то ее дружок явно недоговаривал. Что-то скрывал от нее. И это «что-то» было много серьезнее, чем вопрос с деньгами. Напряглись бы, пошарили по дружеским закромам и с горем пополам наскребли бы их.

Она вот лично могла бы ему семьдесят пять штук одолжить. Были, были у нее тайные от Вадика личные сбережения. Так, на самый черный день. Она еще о них, о таких днях, помнила, их в ее жизни случилось немало.

Так, она семьдесят пять. Глебов тоже подкинул бы...

– Кстати, а Глебов что?

– Что?

– Может, это он помог, что на тебя ничего не завели, Сань?

– Нет. Он только утром собирался начинать действовать, но не успел ничего сделать. Как раз из дома выезжал, когда я ему позвонил.

– Понятно. Ладно, не куксись. Что-нибудь придумаем. Найдем деньги. У меня есть семьдесят пять. Арчи не беден. Димон так вообще.

– Ты ничего не поняла, Васька. – Голубые глаза лучшего друга, помощника и брата почти подернулись влагой. – Я на крючке! И дело даже не в бабках!

– То есть?

Тот самый персонаж, оказывается, через свою службу безопасности как-то вычислил Сигитова. И ему доподлинно стало известно, что именно Сигитов позвонил той самой даме, за которой устроил слежку супруг.

– И?

– Супруги-то помирились, а вот мне этот извращенец грозит оторвать голову. И я ему верю. У него знаешь какая репутация!

И все равно что-то Сигитов недоговаривал. Все равно что-то скрывал от нее. А вот что?

– Меньше будешь знать, лучше станешь спать, – огрызнулся Саня, когда Василиса усилила натиск. – Все, Васька, не до тебя мне. Уходи...

Уйти-то она, конечно, ушла, но с таким тяжелым сердцем, что ноги ее мимо собственного дома понесли прямо к дому Артура Глебова.

Глава 5

– Арчи! Что-то надо делать! – без конца восклицала Василиса.

Она сидела у Глебова на громадной лоджии в компании его подвыпившей девицы, двух его кошек и стаи канареек. Слава богу, что хоть последние сидели смиренно по клеткам. За глаза хватало мохнатых проходимок, то и дело норовивших прыгнуть ей на коленки. И девицы его, томно повторяющей:

– Арчи, ну давай завязывай с делами! Арчи...

Ну до того противно ныла, до того противно, что и Глебова начало воротить с души минут через двадцать. То он по голой коленке девицу поглаживал, а тут вдруг цыкать и морщиться начал.

– Слушай! – взорвался он, когда барышня и вовсе стыд потеряла, начав задирать и без того короткую юбку. – Вали отсюда в комнату и сиди там смиренно, пока не выставил!

Мутноватые глаза девицы непонимающе поморгали, потом наполнились непрозрачной влагой, и она убралась наконец с лоджии.

– Думаешь, все так плохо? – пожевав губами, что было его привычкой с детства, спросил Глебов.

– Думаю, да, – кивнула Василиса и, чтобы выглядеть убедительнее, округлила испуганно глаза. – Он белым днем заперся на два замка, Арчи!

– Да ну? – не поверил Глебов. – Санька же и на ночь-то забывал иногда закрываться. Толкнешь, бывало, дверь легонько, она и отворится.

– Ну! А я о чем!

Василиса осторожно так, чтобы не заметил Глебов, в десятый раз спихнула с коленей рыжую кошку. Она была особенно назойливой. Ну, прямо как та девица, что со слезливым сопением убралась-таки в спальню. Обидевшись, мстительное животное мягко мазнула ей по коленке коготками, и новенькие колготки за четыреста рублей тут же пустили стрелку.

Василиса не стала отвлекаться на поползшие колготки, некогда, и снова заняла:

– Артур, ну что ты молчишь? Придумай что-нибудь!

А как же иначе? Саня, их общий друг, был в беде. И, похоже, в беде большой. Он никогда не сгущал краски, чтобы вымолить жалость. Никогда не драматизировал ситуацию, чтобы слушатели напугались и посочувствовали. Он всегда говорил правду. Всегда! Но не сегодня. Сегодня он всей правды не сказал, что особенно пугало Василису.

– Слушай, по-моему, он чего-то недоговаривает, – дошло наконец и до Глебова. – Как-то все неестественно... Ну, пускай тот, кто его прессанул, достаточно влиятелен. Доказать то, что Саня со своего компа в его счетах не ковырялся, проще простого.

– Это раньше, – с печалью возразила Василиса.

– Что ты хочешь сказать?

– Арчи, не тупи! – Она с раздражением шлепнула себя по коленке.

Глебов по натуре был немного медлительным, немного тугодумом. Как он смог добиться того, чего добился, Василиса до сих пор поражалась. Хотя, с другой стороны, может излишняя импульсивность как раз и вредит успеху. У импульсивных людей нет времени на размышления, они руководствуются эмоциями. А у Глебова времени – пруд пруди. Он пока разжует все для себя, пока все обмозгует, пока примет наконец решение...

К слову: его поезд, который у многих уже ушел, никогда от него не уходил! Глебов все время на него успевал, всегда без путаницы попадал на нужную платформу и усаживался на нужное ему место без лишней суеты, неторопливо и основательно на нем застревал. Фартило парню, что тут скажешь!

– А! Понял! – Лицо Глебова расцвело озарением. – Доказать можно было, пока его компьютер не побывал в руках милиции.

– Ну наконец-то! – обрадовалась Василиса – ну просто чудеса сообразительности продемонстрировал общий друг.

– А теперь, когда он в чужих руках, доказать ничего невозможно, – не слушая ее, на непонятном душевном подъеме продолжил рассуждать Артур Глебов. – И не докажешь! Факт, что у того персонажа крыша – круче некуда. Протокола допроса не было. Значит, и протокола задержания тоже не было. Визит Сани в застенки нигде не отражен, факт его ареста нигде не зафиксирован. И даже факт кражи теперь не докажешь.

– Какой кражи?

Василиса смотрела на Глебова как на душевнобольного. Понять что-либо из его бессвязных рассуждений она была не в силах. Даже медитирующий после успешного дела Сигитов был ей более понятен, чем очень здраво и очень медленно рассуждающий Глебов.

– Ты о чем, Арчи? Я ничего не слышала ни о какой краже! Или ты имеешь в виду кражу тех долларов?

– Нет, конечно, при чем тут доллары? – отмахнулся от нее с раздражением Глебов, как давеча от подвыпившей девицы. – Я говорю о краже Санькиного компа.

– А... а его разве украли? Его вроде конфисковали и...

– Где... я спрашиваю, где это записано? – Глебов потюкал себя в лоб щепотью пальцев. – Только такой гений, как наш Саня, мог попасть в такой переплет! Наверняка не было никаких понятых, наверняка ввалилась группа в штатском, помотала у него перед носом какими-нибудь «корочками» и сделала то, что им надо было сделать.

– Что именно?

Теперь Василиса взирала на Глебова почти с благоговением.

Да... Если он во всем так основателен, как в рассуждениях, то пусть и дальше медлит, пусть не торопится. Зато все прямо как по полочкам, прямо все в глаз! Молоток, Глебов!

– Им нужен был Санькин комп, Василиса. Для того чтобы соорудить на нашего друга компромат. А это для того, в свою очередь...

– Чтобы сорвать с него деньги? – не выдержала она медлительности Артура и перебила.

– Женщина, умей слушать, да! – Глебов сморщил физиономию. – Деньги – фигня. Им что-то от него нужно такое... что-то такое... Они же наверняка знают, что он гений! Наверняка знают. Вот – все дело именно в его гениальности. Насмотрелись фильмов про хакеров, ублюдки! Компромат... Компьютер забрали, напихать туда чего-нибудь, Саню компрометирующего, как раз плюнуть, но... Нет, и это все фигня, Васек. Все не то! Чем же они его зацепили, как думаешь?

– А?

Она вздрогнула от неожиданности. Последние слова Глебова проскочили мимо ее ушей со свистом. Она отключилась после замечания Глебова про фильмы о хакерах. Вот тут уж ее воображение вволю порезвилось. И чего только она в своих страшных мыслях Саньке не уготовила, какой только страсти не напридумывала! И боеголовку-то он запущенную перепрограммирует... И счета в швейцарских банках блокирует, а потом перекачивает их куда-нибудь... И отключает сигнализацию всех ювелирных магазинов в их городе, а то и по стране, чего мелочиться-то... И...

Хорошо, Глебов отвлек, шлепнул ее не больно по коленке и поспешил возмутиться:

– Да ты не слушаешь меня совсем, Васек! Я тут с кем сейчас разговариваю, по-твоему?

– Извини. Увлелась.

– Чем, интересно?

Глебов тут же приосанился и задрал подбородок. Себя он считал сердцеедом, неоднократно делал недвусмысленные намеки подруге детства. И даже после ее замужества не успо-

каивался, без конца приглашая куда-нибудь за город, если она стесняется в его квартире. А за город, подразумевалось, на двадцатый километр, где лесополоса начиналась. Там надлежало пересесть на заднее сиденье и... в общем, как пойдет.

Василисе однажды Санька Сигитов рассказал про загородные выезды Глебова и строго-настрога приказал ни на какие уговоры с его стороны не поддаваться.

– Прокляну! – грозил он ей, гневно раздувая ноздри. – Пусть он окучивает других замужних дур, которым с мужьями надоело. В городе нельзя – засекут, а на заднем сиденье машины в лесу в самый раз, не тесно. Не смей!

Василиса и без его предупреждений ни на какие уговоры не собиралась поддаваться. У нее и в мыслях не было изменять Вадику. Тем более с Глебовым!

– Слушай, Васек, а может, я могу... – Глаза Глебова сделались до отвратительного соляными.

– Не можешь, Арчи! И хватит уже об одном и том же! – взорвалась она, скидывая его руку со своей коленки, где он ее успел пригреть. – Я размышляла, что такого им от Сани нужно. Понял?

– О-о-о, милая, в наш век такие люди как раз и нужны. Совершить преступление без единого выстрела! Обрасти миллионами за полчаса, в результате чьих-то манипуляций пальцами, самому не запятнавшись! Это самое чистое, самое необременительное, самое идеальное преступление, я считаю. Но вот все же, чем же они его зацепить смогли? И как-то ведь вышли на него! Он же нигде своих способностей не афишировал. Не тусил среди компьютерщиков. Не хвастал никогда. Если только тебе, Васек... – Глебов, не простив ей очередного отказа, покосился на подругу с подозрением. – Ты, часом, не сдала его кому-нибудь, а?

– Ох, Арчи... – Он снова начал раздражать Василису своим нерасторопным мышлением. – Ты меня внимательно слушал, нет? Я же тебе про женщину рассказывала, за которой муж следил из собственного офиса.

– А-а-а! Понял! – Глебов широко улыбнулся. Но тут же на его лицо снова вернулось непонимание. – Ну, влез он на его сайт в момент просмотра, и что?

– Так Саня же позвонил той тетке и рассказал ей про слежку.

– Идиот! – ахнул Арчи. И тут же снова: – И что?

– Тетка заистерила, устроила мужу сцену. Да тот, естественно, грозитя ушлому компьютерщику оторвать все, что только можно...

– Чушь собачья, – замотал головой Глебов, подумав минут пять над ее словами. – Ну позвонил, и что? Он же не со своего телефона ей звонил. Что? Со своего? Вот урод! Нет, видал я уродов, но чтобы таких... Ему и правда все, что есть, нужно оторвать... Нет, Васек, все равно лажа.

– То есть? Что лажа?

– Да все! – Глебов аж вспотел, так его распирало. – Ну, позвонил Саня. Ну, вычислили его по звонку. Но ведь вычислил-то не тот, в чей дом он звонил, а тот, кому Санин талант вдруг понадобился. А это что значит?

– Что?

– Что за ним давно наблюдали. Искали предлог. И нашли, черт побери! Он им сам его преподнес на блюде с какой-то там полосой.

– С каймой, – машинально поправила его Василиса. Не признать справедливости утверждений Арчи она не могла.

– Пускай будет кайма, – милостиво позволил Глебов. – Но факт остается фактом. Саня прокололся, а его прокола давно ждали. Его просто-напросто пасли и наконец выпасли. Только...

– Что опять?

У нее уже голова кругом шла от Глебова, а он все нагнетал и нагнетал. Если так пойдет и дальше, то отсюда ее придется на носилках выносить, настолько ее пригнуло к земле то, что произошло с Санькой.

Вот уж никогда не думала, что с ним может случиться что-то ужасное. Он же не таким был человеком, к которому липнут неприятности, никогда не принадлежал к группе риска! Никаким экстремальным видом спорта Саня не занимался, дорогу переходил в нужном месте и только на зеленый свет. Скорость на своей старенькой машинке никогда не превышал, правил не нарушал. Во всем любил порядок и удобство. Никому не докучал и никогда не навязывался... даже ей... хотя и мог бы в свое время.

Тогда почему он? Почему?!

– Только я не верю, – снова после великой, чуть ли не десятиминутной, задумчивости обронил Глебов, – что дело тут только в телефонном звонке, Васек. Явно наш Санек недоговаривает. Не могли его из-за одного звонка и пустой угрозы какого-то ревнивого пустобреха взять за задницу.

– А деньги?

– Да иди ты! Я бы ему их завтра в зубах принес. Говорил же: деньги – мура! Ладно... – Глебов вылез из плетеного кресла и приоткрыл дверь с лоджии в квартиру. – Киска моя там совсем, наверное, заскучала. Задремлет еще, потом не растолкаю. Ты ступай, Василиса. И без Санькиных признательных показаний не возвращайся. Пока мы с тобой не будем знать всей правды, мы ничем ему помочь не сумеем. А лучше его сюда за шиворот притащи. Поняла?

– Поняла! – Был бы у нее хвост собачий, она бы им точно сейчас завиляла подобострастно. – Конечно, Арчи, поняла! Притащу его сюда! А... а что потом?

– А потом будем думать, что можно сделать для нашего гения. Все вместе будем думать...

Глава 6

Домой Василиса вернулась уже ближе к полуночи. Долго размышляла, выбравшись на подъездные ступеньки глебовского дома, возвращаться ей сейчас к Сигитову или нет. Потом сочла, что за такое долгое отсутствие Вадик ее по голове не погладит, и со вздохом поплелась к своей машине. Сигитов, решила, подождет до утра. А с утра она отпросится с работы, заедет к нему, а затем потащит к Глебову. Там уж они с Арчи устроят ему допрос с пристрастием, если он снова начнет мямлить, отказываясь говорить правду...

Вадик сидел на кухне и вяло крошил в руках фисташки, усеяв шелухой весь стол.

– Привет, милый, – виновато улыбнулась Василиса. – А намусорил-то! Ты ужинал?

– Ужинаю, – с упреком отозвался супруг. – Ты где была?

– Ох, где я только не была! К Сане...

– К Сане?! – взвился Вадик, не дав ей договорить. – Ты была у Сигитова?! Ты навещала преступника, в то время как... Ты вообще отдаешь себе отчет, что делаешь?!

– Милый, не начинай, пожалуйста. Я предупреждала тебя, что задержусь.

Василиса вернулась в прихожую, сняла плащ, мельком глянула на себя в зеркало. Отражению не обрадовалась: тяжелый рабочий день и еще более тяжелый вечер выплеснули на щеки бледность, обметали глаза темными полукружиями, обесцветили губы. Думалось, что хотя бы дома ждет отдохновение. Не так, чтобы с уверенностью, но думалось все же. Не зверь же Вадик совершенный, должен же понимать...

Понимать Вадик не захотел. Выскочил с кухни за ней следом, навис над ней и принялся гнусавить громким шепотом:

– Муж сидит дома, ждет жену с работы, ждет ужина, а она вместо этого якшается с преступником! Тебе проблем мало? Мало, я тебя спрашиваю?

Проблем, конечно, хватало. Но все они теперь казались ей очень мелкими, ничтожными в сравнении с теми, которые свалились на Саньку.

– Прекрати орать! – повысила голос Василиса и удовлетворенно улыбнулась, снимая обувь, а Вадик тут же зашикал на нее, требуя говорить потише. – Прекрати орать, Вадим. Мой друг попал в беду, и я не могу сидеть и ждать, пока он совсем пропадет. Да, я была у него, а потом была у Глебова.

– И дальше что?

– А дальше я пришла домой.

– Спасибо! Сделала одолжение! – Тут уже Вадим не выдержал и перешел с шепота на свистящий фальцет: – Друг у нее в беду попал... Да он ее сам искал, ту беду! А ты о своей заднице не хочешь позаботиться, нет?

– А при чем тут я? – Василиса выпрямилась и поправила волосы с наигранной беспечностью. – Я-то тут при чем? Если я хочу помочь, это не значит, что я...

– Значит! – Вадим вдруг больно вцепился ей в плечи, разворачивая на себя, уставился на нее злыми, ставшими мгновенно чужими, глазами. – Это значит, что ты можешь тоже навлечь на себя неприятности! Неужели тебе не понятно?

– Каким, интересно, образом? – Василиса поморщилась: – Пусти, мне больно.

– Я запрещаю, слышишь! – Он и не думал убирать пальцы с ее плеч, наоборот, даже сильнее их стиснул. – Я запрещаю тебе лезть в такое тухлое дело! Твой хакер вяпался куда-то, пускай сам и расхлебывает. Это его выбор, понимаешь? Его и ничей больше! И учти, если я узнаю, что ты помогаешь ему, то...

– То что будет? – отозвалась она с вызовом, отцепила его пальцы и ускользнула в ванную. Прокричала уже из-за двери: – Ты со своей мамой меня накажешь?

– Не смей трогать маму! – взвизгнул Вадик, будто она наступила ему на самую больную мозоль, хотя, может, так оно и было. – Я посажу тебя под замок, Валиса! Я посажу тебя под замок, так и знай!

Она пустила в ванну мощную струю воды и остальных угроз мужа не услышала. К слову, тот никогда прежде не грозил ей расправой, никогда не ограничивал ее встреч с Сигитовым. Мог недовольно поморщиться, да и только. Теперь все как-то было непривычно, неприятно. Настораживало и раздражало одновременно.

Интересное кино получается, думала с обидой Василиса, погружаясь в горячую воду до самого подбородка. Вадим что же, думал, будто она способна устраниваться в такой ситуации? Думал, она будет спокойно наблюдать, как Санька Сигитов тонет? Санька – ее самый лучший верный друг, помощник и брат почти! Да она за него...

Господи, да она ни на чьем больше плече не способна была расплакаться. Только на его – на Санькином. Она никому и никогда не поверяла своих тайн, только ему. Она никогда и ни от кого не ждала помощи и понимания, как только от него. Он первым узнавал про все ее девичьи секреты. И самые первые в ее жизни гигиенические прокладки они выбирали в аптеке не с бабкой, а именно с Санькой. И она не стеснялась, а считала, что так оно и должно быть. Что только так и правильно. Он же самый, самый верный и самый надежный друг!

И вот теперь, следуя указаниям и требованиям своего мужа, она, получается, должна его предать? И ради чего? Ради того, чтобы самой избежать каких-то неприятностей, придуманных Вадиком?

Да Санька, он же...

Он как-то летом после шестого класса сразу с целой толпой подростков за нее дрался. Только из-за того, что кто-то посмел разбить у нее в пакете бутылку с растительным маслом. Нет, сначала он попытался с ними договориться по-хорошему. Пытался их усюветить и заставить вернуть деньги за масло – от бабки-то ей ведь влететь должно было. Он же совершенно не конфликтный и правильный очень, Санька Сигитов! Но толпа не поняла. И даже начала оскорблять. Не его, а ее – его лучшую подружку. Вот тогда-то он и пошел на толпу с кулаками. Схлопотал, конечно, основательно, поскольку драться не особенно умел. Но держался потом с достоинством. Корчился, но не хныкал, когда она ему синяки и ссадины поливала своими слезами и йодом.

А потом было отмщение. Позже, когда с летних каникул вернулись Глебов и Димон. Они той толпе так задали... Но вот странность: об этом ей не очень хорошо помнилось, а как Санька за нее шишек наполучал, засело в памяти навсегда.

И потом еще много чего случалось подобного. И он всегда был рядом, всегда вставал на ее защиту. Правда, казался чуть отстраненным после ее замужества, но ведь это видимость была одна. Так ведь?

И что же теперь ей, ради собственной незапятнанности взять да и предать Саньку?

Никогда! Ни за что! Она непременно станет ему помогать, сделает все, что в ее силах. Только бы скорее настало завтра...

Однако наступление завтрашнего дня подзатянулось. И не столько потому, что все имеющиеся в доме часы вдруг договорились тормозить время, а потому, что Вадик, оказывается, и не думал отказываться от своих требований. Всю ночь он ныл, угрожал, метался из комнаты в комнату. Дошло даже до угрозы разводом. Не дождавись ее испуга, муж сменил тактику, но мытарства Василисы тем не менее не закончились.

– Тебе не дорога наша семья, – завершил выступление Вадим на печальной ноте, вымотавшись к утру. – Тебе Саня твой дороже, чем я.

Василиса не стала отвечать, потому что не знала, каким может быть ее ответ, начни она сейчас говорить.

Завтрак прошел в полном молчании. У нее просто не было сил разговаривать. А Вадик, надо полагать, наказывал ее за неповиновение. Пусть так. Пусть молчит, лишь бы не приставал больше.

Василиса ушла в спальню и оттуда позвонила на работу, предупредив, что может задержаться – в лучшем случае, а в худшем и вовсе не прийти. Начальство как-то так неопределенно ответило, что могло означать следующее: делай что хочешь, ведь ты все уже для себя решила, не останавливай.

Ее и правда было не остановить. Вадик предпринял последнюю попытку, встав у дверей и умоляюще глядя на нее.

– Уйди, – коротко попросила Василиса. И как только муж отодвинулся, вышла из квартиры, успев, правда, обронить напоследок: – Пока. До вечера...

Вадик не был бы Вадиком, если бы последнее слово не оставил за собой. Он высунулся из-за двери, опасливо покосился на двери соседних квартир и громко прошептал ей в спину:

– У тебя все равно ничего не получится, Василиса. Гиблое дело, поверь...

В справедливости его утверждений ей удалось убедиться уже через полчаса. До того она еще верила, еще надеялась, что Санькину беду им удастся развести надежными дружескими руками.

С трудом, как всегда, приткнув свою машину на вечно запруженной грузовиками стоянке перед Санькиным домом, Василиса со вздохом пробежалась взглядом по его окнам, выходящим во двор. С виду все выглядело вполне мирно: форточка на кухне чуть приоткрыта, легкую занавеску слегка колышет ветерок... Стоп! Откуда было взяться сквозняку, если окна, а их только два, выходят на одну сторону? У Сигитова в квартире всегда полный штиль, если, конечно... Если, конечно, дверь не распахнута настежь. Сигитов иногда прибегал к такому методу проветривания, но исключительно в душный летний зной. А сейчас на дворе апрель всего лишь. С какой стати ему дверь открывать?

Ой, как зануло у нее внутри, как забеспокоилось! И Василиса, не дожидаясь лифта, помчалась вверх по лестнице, прыгая через ступеньку. Добежала до квартиры, остановилась на минуту – перевести дух, глянула на дверь и едва не заплакала. Так и есть, дверь приоткрыта, она не ошиблась. Потому и шторку на кухне колыхало.

Только подошла к квартире Сигитова, как соседняя дверь приоткрылась, и на лестницу выглянул мужик с лицом, по самые глаза заросшим густой щетиной.

– Здорово, – прокричал он, ощупав взглядом Василису с головы до пяток. – Компьютерщик, что ли, нужен?

– Здравствуй. – Она отшатнулась от Санькиной двери, хотя уже держалась за ручку и даже успела рассмотреть с обратной стороны связку ключей, торчащую из замочной скважины. – Он самый. А что, его нет?

– Хм-мм... – хитро ухмыльнулся мужик и предложил: – А ты войди да посмотри. Ты ведь у него часто здесь бывала, я видал тебя.

– А-а-а, – замялась Василиса, – а может, вместе зайдем?

– Можно и вместе, чего не зайти-то...

Он вернулся к себе в квартиру. Надернул на босые ноги резиновые шлепанцы. Прикрыл засаленную майку рабочей курткой ярко-оранжевого цвета. Даже успел расческой по растрепанным волосам пройтись, прежде чем дыхнуть на Василису вблизи стойким перегаром.

– Ну, давай, двигаем, что ли...

Они вошли. Василиса тут же бегло осмотрела квартиру. Конечно, Саньки дома не оказалось. И уходил или убежал он спешно, раз забыл в замочной скважине ключи со стороны квартиры. Либо не успел запереть, либо не собирался.

– Не дали ему, – крикнул мужик, когда она всплеснула руками и высказала свое предположение вслух.

– Как не дали? – не поняла она. – Кто не дал?

– Кто забрал его, тот и не дал.

Было видно, что не очень-то ему хотелось отвечать на ее вопросы. Или просто тяжело с похмелья.

– А кто забрал? – ахнула Василиса, выходя следом за Санькиным соседом на лестницу. Заперла дверь на ключ, опустила связку ключей в сумку и снова повторила: – А кто забрал-то, кто?

– Ты того... не ори на меня, девочка, – обиженно протянул мужик, глядя на нее с маетной надеждой. – Пришла, понимаешь, тут, в квартиру влезла... Ключи забрала... А ну как пропадет чего? Придут вот, спросят, а я что скажу?

– Ничего ты не скажешь! – заверила его Василиса, вкладывая в его алчную ладонь две сотни. – Я ему друг, не чужой человек. Потому и дверь заперла, и ключи забрала. Он вернется и с меня их спросит.

Деньги исчезли в огромном кармане оранжевой куртки.

– Вряд ли вернется-то.

– Почему? – наседала Василиса на соседа. – И кто его забрал, ты так и не ответил...

Мужик уже, видимо, пожалел, что с ней связался. Но отрабатывать две сотни, полученные за просто так на опохмелку, надо было по всем правилам, диктуемым кодексом чести любого нормального мужика. Поэтому, опасливо свесив голову через лестничные перила и убедившись, что их двоих никто не подслушивает с нижних этажей, сосед зашептал:

– Рано утром сегодня я у окна торчал, курил в форточку. Голова трещит...

– Короче!

– Ладно... – Дядька неодобрительно покосился на Василису. – Смотрю, машина ментовская подъезжает.

– Что за машина?

– «Десятка».

– А с чего ты решил, что машина из милиции?

– Так она ж с фигней, которая сверкает на крыше, была.

– С мигалкой, что ли?

– Ага, такая большая, как у гаишников. Может, на их машине и приезжали. Вышли двое. Один в форме, второй в штатском. Поговорили с кем-то по телефону. Вошли в подъезд. Я, короче, перепугался.

– С чего вдруг?

– Так вчера мы... мы в пивнухе за углом пошумели с мужиками, – виновато засопел мужик, – вот и подумал, что они по мою душу. Встал я возле двери входной, ухо приложил, затаился. А у самого ливер так ходуном и ходит. Погулял, думаю! Теперь на работу стуканут, а я на испытательном сроке...

– Дальше!

Василиса на него даже ногой притопнула. Слушать про чужие проблемы с работодателями у нее не было времени.

– Ага... они поднялись и на лестничной клетке топчутся. А я слушаю... Потом начали к компьютерщику в дверь звонить. Он им открыл. Слышно было, как дверь открылась. Потом шум какой-то...

– Дрались, что ли?

– Может, и дрались. У меня же «глазка» нет, не видно. А открывать я не стал. Дурак, что ли? Потом все затихло вроде. Я снова к окну. Ну, они его и выволокли.

– Как выволокли? Он что, сам идти не мог? – Во рту у Василисы пересохло так, что каждое слово горло саднило.

– Может, и мог, но не шел. Они его под руки, как мешок, тащили. Свет-то от фонаря хороший, я рассмотрел. А ноги прямо по земле волоклись. Даже след в пыли остался, его уже потом затоптали. – Мужик пощупал хрустящие купюры в кармане и взмолился: – Ладно тебе приставать-то! Пойду я!

– Сейчас уйдешь. Что было дальше?

– А все. Сунули его на заднее сиденье. Ноги вот так подобрали, – он показал, как впикивали на заднее сиденье безвольные Санькины ноги, – и уехали.

– Он без сознания, что ли, был?

Василиса просто так спросила, потому что на ответ не особо надеялась. Но мужик неожиданно ответил, утвердительно кивнув:

– Отключили они его, точняк. Я потом на ступеньках в подъезде кровь видал. Может, в нос тюкнули, а может, по башке. Странно вообще как-то забирали парня. У меня в прошлом году самогонный аппарат когда конфисковывали, так и понятых со всех квартир созвали, и бумаг понаписали целую стопку. Везде расписаться заставили. Какое преступление, скажите! А тут тихонько, без свидетелей, по темнышку...

– Темно было? Во сколько же?

– На часы не смотрел, врать не стану. Но темно было, а ты считай. Радио тоже не говорило еще. Так я пошел, горит же все внутри...

Василиса кивнула позволительно, и мужик, как был в резиновых шлепанцах на босу ногу, так и помчался вниз по лестнице. Следом за ним – правда, не так резво – и она начала спускаться.

Выходит, Саньку опять забрала милиция. Только задержание снова проходило вопреки всем процессуальным нормам. Нечисто, ох как нечисто все это выглядело! И где он теперь, друг ее, помощник и брат почти? Где его искать? В ближайшем милицейском участке? Ее туда вряд ли допустят и на вопросы уж точно отвечать не станут. А вот Глебова...

Да, Арчи никто послать не посмеет. Тот хоть что-то да сумеет разузнать. Надо отправляться к нему, тем более что на встрече он сам настаивал.

Глава 7

Глебов встретил ее на пороге квартиры совершенно без энтузиазма. И удивился будто бы, а ведь договаривались. Мало того, подставил ногу, придерживая дверь, и держал Василису на лестнице минут пять, неохотно отвечая на ее приветствия.

– Артур, так я войду? – Василиса налегла грудью на дверь. – Или ты занят?

Кажется, история повторилась. Именно с такой ситуации начиналась последняя встреча Василисы с Саней Сигитовым.

– Занят я, Васек, еще как занят, – вздохнул Глебов, но ногу убрал и войти позволил. – Никакой личной жизни с вами... А ты так вообще решила у меня прописаться. Вечером приходишь, с утра покоя не даешь...

– Арчи! – возмутилась Василиса, вешая плащ на вешалку. – Ты обкурился, что ли? Мы же с тобой договаривались утром встретиться.

– Не с тобой, а с Сигитовым, между прочим, – поправил Глебов со вздохом. – А его, как вижу, с тобой нет.

Прошел за ней следом в гостиную, быстро прикрыл дверь в спальню, где на кровати под шелковым одеялом угадывался женский силуэт. Упал в глубокое кресло, водрузил ноги на стеклянный журнальный столик, сцепил руки на голом животе (к слову, Арчи встретил ее в одних трусах и даже не поспешил одеться). Глянул на нее как-то недобро и со значением и сообщил:

– Твой муж мне звонил с утра, между прочим.

– Что хотел? – Василиса сцепила зубы, чтобы не выругаться, слов-то всяких-разных из своего отрочества, окруженного мальчишками, она вынесла немало.

– Хотел, чтобы я оставил тебя в покое, – фыркнул Глебов, задвигая ногами по стеклянной столешнице. – Можно подумать... А, ладно.

– Что ты ему ответил?

– А что я мог ответить? Уж извини за прямоту, но гад он, твой Вадик. Вот говорил тебе, давай со мной замутим, нет же...

– Черт! – Василиса с раздражением глянула на Глебова. – Убери ты ноги со стола, Арчи! Отвратительно же!

– Извини, – буркнул тот, но не подумал подчиниться. – Я дома, Васек. Кстати, а почему из нас троих ты так никого и не выбрала? Меня давно этот вопрос мучил, все времени не было его задать. Мы ведь все были в тебя влюблены, Василиса. Все! А Санек так вообще родился, кажется, запрограммированным на пылкую любовь к тебе.

– Ты хочешь сказать... – Она недоверчиво покосилась на Глебова. – Несешь непонятно что!

– А ты хочешь сказать, будто не знала, что Саня всю жизнь любил тебя? Вроде никогда не догадывалась? Позволь тебе не поверить. – Арчи делано рассмеялся, но глаза его оставались холодными и недобрыми. – Тебе нравилось манипулировать нами, Васек. Очень нравилось. Особенно Санькой. Как он страдал! Знала бы ты...

– Не знала, Арчи. – Василиса опустила голову. – Поверь, не знала. Как-то еще в ранней юности попыталась строить ему глазки, он надо мной посмеялся, сказал: забудь. Я и забыла.

– Да? Странно... Удивлен, честно! Он ведь даже однажды хотел повеситься из-за тебя. – И, видя ее недоумение, Глебов закивал быстро и часто. – Да-да, не сомневайся. Ты тогда замуж собралась, мы напились все вдвоем, а он как раз тему задвинул. Тут мы с Димом ему по зубам, конечно, задвинули. Каждый по разу, чтобы он не дурил и одумался. Санька пообещал. Но тема такая была.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Чтобы ты почувствовала себя полной дрянью. Чтобы смогла понять, кого потеряла. Чтобы...

– Ты хочешь сделать мне побольнее, да? Но ведь мне и без того паршиво, поверь.

И вот тогда Глебов, сбросив наконец ноги со стеклянного столика и приосанившись, выкатил накачанную безволосую грудь колесом и заявил:

– Я ведь не просто так про те давние дела вспоминаю, Васек. Я долго думал вчера после твоего ухода... Очень долго думал! И вдруг понял, что все это может быть очень хорошо продуманной фикцией.

– Чем-чем? О чем ты?

Василиса растерялась. Глебов снова начал говорить невнятно и непонятно для нее. И она запуталась, потерялась в цепи его пространных умозаключений.

– Об этой байде, о которой тебе рассказал Сигитов! – разозлился Глебов, неловко выбираясь из глубокого кресла и подсакивая к ней. – Он ведь мог специально все придумать, Василиса!

– Зачем?

– Затем, чтобы ты обратила на него чуть больше внимания, чем обычно. Неужели не понятно?! – продолжил он возмущаться. – Вот скажи, при вашей последней встрече ничего такого не происходило? К примеру, никакого между вами разговора не было?

– Что ты имеешь в виду?

Щеки ее под пристальным взглядом Артура мгновенно загорелись. Тут же вспомнился тот самый их с Саней разговор, когда тот заявил, что не может жить без нее. Именно после него она не звонила ему непозволительно долго. И не приходила в гости. А потом вдруг у него начались неприятности.

– Васек, ты что-то недоговариваешь, – удовлетворенно цокнул языком Глебов, метнулся к двери в спальню, заглянул туда, чуть приоткрыв створку, снова закрыл. И опять пристал: – Давай, давай, рассказывай. Что там между вами произошло? Вы часом не того... Не переспали наконец, нет?

– Ну, о чем ты говоришь? Нет, конечно! – возмутилась Василиса. – Просто... Саня начал... что-то такое говорить о чувствах, а я...

– И что ты? – обрадованно подхватил Глебов и даже в ладоши хлопнул. – Ты его, как всегда, послала, не так ли?

– Вовсе я его не посылала, я просто ушла. Ведь я замужем, Арчи!

– Замужем она... – фыркнул тот. – Твой муж настоящий гад, повторюсь. А Саня всю жизнь тебя любит. Понятно, нервы не выдержали, столько-то ждать. А ты наверняка психанула после его признания и убежала. И не звонила потом.

– Не звонила, – эхом откликнулась Василиса.

– Ну! А я что говорю! – Он захохотал теперь уже без притворства и в полный голос. – Ай да Санька, ай да молодец! В общем, так... Придумал он все это, Васек. Точно тебе говорю. Придумал, чтобы ты попрыгала, побеспокоилась, поволновалась за него. Сама подумай...

Она и подумала. Правильнее сказать, думали они вместе. Вспоминали, сопоставляли. И чем больше этим занимались, тем больше склонялись к уверенности, что Сигитов и в самом деле их разыграл. То есть объектом розыгрыша должна была стать Василиса, Глебова затронуть никто не хотел. Санька же позвонил ему сразу с утра и поставил в известность, что его якобы отпустили из милиции и что никакого вмешательства Глебова не требуется.

– А тебе не позвонил, между прочим. Почему? – распалялся с каждой минутой все больше Арчи.

– Почему? – с надеждой спросила Василиса.

– А потому, что не хотел, чтобы ты успокаивалась. Хотел, чтобы помучилась, побеспокоилась и к нему прибежала. Ты ведь прибежала?

– Ну да.

– Вот! Я снова прав!

– Хорошо, ладно. Пускай будет так.

Она немного пришла в себя. Утреннее беспокойство постепенно отпускало, и теперь уже все произошедшее не казалось ей таким уж драматичным. Скорее всего, все так именно и было, как утверждал Артур: Саня Сигитов и в самом деле, отчаявшись дожидаться от нее взаимности, решил действовать наверняка, разыграв как по нотам страшную историю, которую сам же и придумал.

– А что делать с милиционерами, которые его сегодня выволокли из подъезда, Глебов? – предприняла Василиса последнюю попытку добавить ложку дегтя в бочку меда, которую выкатил перед ней Артур. – Что насчет этого скажешь?

– А ты не догадываешься? – хмыкнул тот снисходительно.

– Нет.

– Даже ваш алкаш подъездный и тот углядел полное беззаконие, а ты паришься, Васек... – Глебов походил по гостиной, звонко похлопывая ладонями по голым ляжкам. По всему было видно, что он очень доволен собой. – Во-первых, если бы произошедшее было правдой, за Саней никогда не прислали бы гаишников. «Десятка»-то была именно гаишная, так тебе мужик говорил?

– По описаниям похоже.

– Вот! Приехали двое, без понятых проникли к нему в квартиру. Скажи, впустил бы он не поймешь кого посреди ночи?

– Ближе к утру, – поправила его Василиса.

– Пусть так. Но впустил бы? Впустил бы, зная, что ему прочно прищемили хвост? Черта лысого, Васек, Саня их бы впустил! И потом, в милиции тоже не идиоты, согласись. Разве стали бы они так рисоваться, тащить Саньку в крови по ступенькам да посреди двора впихивать на заднее сиденье своей машины? Нет. В общем, сплошная лажа. Розыгрыш! Так что... – Глебов побарабанил пальцами по голому животу. – Ступай-ка ты, друг, на работу, а потом напрямик к мужу под крылышко. И не парься особо. Нет, ну если ты вдруг передумала и решила к Сане переехать, ты мне шепни. Я найду способ ему сообщить...

Вот если бы он не сказал последних слов, сомнения в ее душе все еще ворочались бы. И один на один с собой она уж точно нашла бы брешь в непробиваемой логике Глебова. И мучилась бы и страдала. А так... Коли Глебов может изыскать возможность послать сообщение Сигитову, значит, все не так страшно. Все просто в норме, раз возможность существует.

Ай да Саня! Ай да умелец! Надо же как развел ее на интерес!

Ну ладно, бог с ним. Пусть уж лучше так, чем по-другому. Теперь она хотя бы будет за него спокойна. Теперь сможет наконец думать о чем-то другом, кроме как о неприятностях, свалившихся на голову бедного Сани Сигитова. О работе, к примеру. О муже, с которым утром рассталась без привычного поцелуя и пожелания удачи. О покупке подарка свекрови, у которой день рождения грядет.

Кстати, о подарке. Что можно ей подарить? Пледами, презентованными по разным поводам свекрови за время их совместной жизни с Вадиком, можно было бы выстлать дорогу от города до дачного поселка. От хрусталия ломились полки в ее корпусной мебели, а вазами можно было украсить любой Дом культуры к празднику. Что же еще ей подарить?

И тут ее осенило: она купит Марии Федоровне набор кастрюлек, в которых та станет варить супчик своему ненаглядному Вадик. И ей в радость, и ему для тошноты. Кастрюлями она точно порадует дорогую свекровь.

Шкодливо улыбнувшись, Василиса села в машину и поехала на работу.

Глава 8

Владимир Кириллов, задрав голову, с тоской смотрел в телевизор, подвешенный в его кухне почти под потолок, и последний час только тем и занимался, что ругал себя на чем свет стоит. Себя, а заодно и Коляна Сячинова, который втянул его в дурацкую историю с гребаным, замороженным на своей гениальности компьютерщиком.

Зачем? Для кого? И было бы ради чего, черт побери, связываться! Отстегнули, смешно сказать, каких-то пятьсот долларов. Сказали – хватит. Ага, как же, хватит! А если за задницу схватят, тогда как? Ему даже на адвоката не хватит тех смешных денег в случае чего. Хорошо, если только погонят со службы без выходного пособия. А если сложится плохо?...

Кириллов вздохнул, «попрыгал» по спортивным каналам, не нашел нигде своей любимой футбольной команды и снова закрутил.

Какого черта Кольке нужно было ввязываться в эту историю? Пристал как банный лист – давай, говорит, поможем хорошему человеку. Отказать неудобно, мол. Может пригодиться, человек нужный. Ага, как же, пригодились... Сам Колян куда-то пропал – на звонки не отвечает, на последнее дежурство не явился. Начальство плечами пожимает, вроде он на больничном. Так и хотелось рассмеяться начальству в лицо. Нет, ну какой больничный? Сячинов ведь даже где поликлиника его районная находится не знает. В жизни никогда ничем, кроме похмелья, не страдал. А тут вдруг больничный! Что-то тут не так... Чем-то нехорошим отдает. Какой-то дурной запах пошел от безобидной на первый взгляд истории.

– Вова, ты сегодня вечером чем собираешься заниматься?

Из комнаты выплыла дородная Алена, которой всевышний сподобился наградить его год назад. Неплохая вроде баба, да больно надоедливая. И в весе за последние несколько месяцев прибавила непотребно. Просто как на дрожжах плыла. Когда познакомились, такая аккуратная со всех сторон была, а теперь... Теперь вся одежда на груди трещала, подбородок третьей складкой сложился, на зад можно табурет ставить – удержался бы, как нечего делать.

– Вова! – повысила голос Алена. Двинула ногой табуретку, вытаскивая ее из-под кухонного стола, грузно уселась, с трудом разместившись, и снова завела: – Вова, я к кому обращаюсь?

– Тебе вообще чего надо-то? – Он гневно раздул ноздри, с брезгливостью отметив сальное пятно на ее халате. – К маме собралась, так поезжай.

– Я не к маме собралась, – надула пухлый рот Алена. – Я с тобой в кино собралась, между прочим.

– Куда? В кино?! Офонарела, что ли, совершенно? – Володя замотал головой. – Тебе телевизора мало? Дисков три сотни, смотри, не хочу! В кино она собралась...

А сам тут же подумал, что у него кино уже случилось. И не просто кино, а триллер самый настоящий, начавшийся с безобидного вполне желания помочь нужному человеку. Помогли, что называется.

– Телевизор... – недовольно отозвалась Алена и тут же потянула с тарелки громадный ломоть колбасы. – Телевизор надоел. В люди хочется. Мы ведь с тобой никуда почти не ходим вместе.

С такой выйдешь в люди, неприязненно подумал Володя. Ее чем драпировать-то нужно? Парашютом или чехлом на машину!

Тут же вспомнилось, как в прошлый выходной на шашлыки вырвались. Он был с Аленой, Колян с Ниночкой своей. Вот пара так пара. Ниночка хоть и не красавица, но следит за собой. Костюмчик спортивный на ней – облегающий по фигурке, а фигурка в порядке. Ботиночки в тон, куртка легкая, кепка стильная, под ней прическа – волосок к волоску. И тут Алена его из машины выбралась... Владимир чуть со стыда не сгорел, сравнив двух женщин! Вырядилась в

его джинсы, еле застегнув их на животе и снизу подвернув в три «коляски». Свитер его надела с дырками на локтях. Он его даже для гаражных работ побрезговал взять, все выбросить собирался, да не находил в нужный момент, а она на пикник его надела, дура! Сапоги резиновые откуда-то достала. На голову платок. Капуста капустой! И несла потом, пригубив сто граммов, такую лабуду, что он готов был ей рот залепить прямо там куском грязи. В люди она с ним захотела...

– Слышь, Лен, – как-то неожиданно созрел вдруг Володя, – а ты бы поехала сегодня к матери своей, а?

– Зачем? – застыла она с набитым колбасой ртом.

– А затем, чтобы больше оттуда не возвращаться, – сказал, как в воду прыгнул. И тут же обрадовался, что сказал наконец, и понесло его: – В общем, я решил с тобой расстаться. Собирай свои вещи и к маме отправляйся. Не могу я больше жить с тобой.

– Почему?! – Ее огромные серые глаза, единственное, что осталось от ее прежней привлекательности, наполнились слезами. – Ты... ты больше не любишь меня, Вова? Ты бросаешь меня?

– Да, – кивнул он с удовлетворением. Даже слезы ее теперь его не трогали, как прежде. – Я не люблю тебя. И я тебя бросаю. Довольна?

Она замотала головой, брызнув на неряшливый халат крупными слезами. Начала судорожно глотать колбасу, подавилась, закашлялась, и ему пришлось молотить ее по громадной спине кулаком, чтобы кусок пошел туда, куда надлежало. И тут же, не давая ей опомниться, зачистил:

– Собирайся, Лен, собирайся. Слезы не помогут, меня ими теперь не проймешь. Я все решил. Я тебя больше не хочу. Так что съезжай. Ерепенишься не советую, тебе же дороже будет. Давай по-тихому расстанемся, без истерик и шума. Нет, ну если ты, конечно, хочешь шума, то давай! Привлечем внимание общественности. Бабкам во дворе порадует глаз твоими тряпками, которые я стану с балкона вышвыривать.

– Козел! – выдала Алена с чувством, когда смогла отдышаться. – Мент поганый! Все менты козлы!

– Па-апрашу без оскорблений должностного лица! – рявкнул он, хватая ее за руку и сволакивая с табуретки. – Вали отсюда, корова, если не хочешь, чтобы я сейчас наряд вызвал. Пошла вон!

Собралась Алена в рекордно короткие сроки. У нее и вещей-то в его доме было немного. Только сезонные, все остальное хранилось в доме ее матери. Собрала два громадных пакета, топорищившихся обувью тридцать девятого размера, байковыми пижамами и комплектом полотенца. Встала у порога, отдуваясь. Глянула на него с ненавистью и произнесла, перед тем как уйти:

– Ну, козлина, ты меня еще запомнишь! Я тебе устрою...

– Ступай, Лена, ступай.

Его яростная решимость постепенно теснилась глубокой депрессивной усталостью, орать и спорить больше не хотелось. Хотелось поскорее остаться одному, упасть лицом вниз на диван и забыться хоть минут на двадцать. Потом можно будет снова позвонить Кольке... Нет, лучше все же доехать до него. На вечернее дежурство еще не скоро, так что можно и кореша навестить, и по городу помотаться. Может, кто из общих знакомых Сячинова видел? Это на тот случай, если дома его не окажется...

– Ты меня еще не знаешь, гадина! У меня друзей... – Алена всхлипнула. Тут же ее полная ладонь прошла по лицу, стирая влагу, она трянула головой и произнесла с ненавистью: – Подставлю тебя так, что век не отмоешься. Запомни!

Тишина, воцарившаяся с ее уходом, гнетущей тяжестью легла ему на душу. Раньше думал: что вот уйдет Ленка, и хотя бы часть его тоски рассосется. Не вышло. Наоборот, тяжелее

стало. Распахнутые шкафы, выдвинутые ящики тумбочки хищно скалились на него опустевшим нутром. Вроде и вещей немного забрала, а на полках полное опустошение. Его-то вещи куда подевались? Хотя он не любил вещами обрастать, большую часть времени облачаясь в форму. От старья так вообще очень сноровисто избавлялся, оттаскивая на свалку. А Ленка все цеплялась за тот хлам – что-то штопала, что-то на себя подгоняла. На пикник даже в его шмотках вырядилась. Чучело огородное!

Вспомнив нелепость ее вида в минувший выходной, Владимир немного приободрился. Нет, все же он правильно сделал, что выгнал ее. Нет бабы – и это не баба. Ему и лет-то всего под тридцатник, и собой он вполне ничего. Неужто девчонку не найдет? Такие цыпочки катаются по дорогам... Глазки ему строят, когда он их тормозит и штраф пытается выписать. Зацепить какую-нибудь из них – раз плюнуть. А он к этой росомaxe прицепился... Потому что некогда ему было в своей личной жизни расставить все по местам.

Нет, важное дело сделал, важное.

Володя вернулся в кухню, сел за стол, бездумно оглядел стены. И снова раздражение на бывшую теперь уже сожительницу накрыло с головой. Целый год жила в его квартире и даже обои не удосужилась переклеить! Не работала, детей не имела. Чем занималась, спрашивается, целыми днями? Бока наедала? Действительно, чего ж за его счет не наесть было, деньгами он ее снабжал в достатке и регулярно. Пускай теперь попробует на мамину пенсию пропитание себе добыть в таком объеме.

Угрожала ему еще, соломы стог! Друзей, говорит, у нее немерено. Какие друзья-то? Откуда? С ее улицы? Шпана мелкая? Так они до сих пор на роликах по дорогам ездят. И Володька Кириллов им стопроцентно не по зубам.

Он снова набрал номер напарника, выслушал вежливый ответ про недоступность Коляна и решил собираться. Сиди не сиди, а Колян просто так на голову не свалится. Надо его поискать.

Пока ехал до его дома, чего только не надумал. Пришла даже в голову шальная мысль, что отстегнули напарнику много больше, чем ему, Володьке Кириллову. И что тот теперь со своей Ниночкой пузо греет где-нибудь на Красном море. А что? Как вариант очень даже подходит. Они на шашлыках Турцией грезил, мусолили тему отдыха в теплых краях без конца, глаза мечтательно закатывая. А Ленка и тут отличилась, дура толстощекая. Слушала, слушала их щебет и заявила:

– А здесь чем не отдых? Красотища-то какая! Мяса вдоволь, водочка, огурчики, помидорчики... А по заграницам одни дураки ездят. Там ведь голодать только!

Он тогда чуть сквозь землю не провалился от такой ее гастрономической философии. Нет, хорошее дело сегодня сделал, что спровадил ее, хорошее...

Двухэтажный старенький дом на восемь квартир, где снимали жилье Сячинов со своей Ниночкой, задушили старые тополя, обняв строение плотным кольцом. Владимир зашел в подъезд и досадливо поморщился, глянув на обувь, ботинки оцетинились липкими смолистыми почками от тополей. Попробуй теперь отодрать... Зачем его сажают? Сорняк ведь, а не дерево. То почки, то пух, то листва на башку сыплет с середины лета...

Он звонил в Колькину дверь до посинения, никто не открыл. Ухо даже к двери прикладывал, слушал. Тишина. Хотел было уйти, но потом, подумав, позвонил в дверь напротив.

Там у Коляна знатная соседка проживала – разбитная бабенка, лет тридцати пяти, незамужняя. Все Кириллову глазки строила да на чай зазывала. Он отшучивался, но от приглашения всякий раз отказывался. Не потому, что дама ему не нравилась, а потому, что с Ленкой жил. Принцип у него, нестандартный по теперешним временам: раз живешь с женщиной, на сторону не смотри. Лучше брось ее, если нужда есть мотаться по другим койкам. Брось и пользуйся своей свободой, как тебе заблагорассудится. А пока обременен обязательствами, будь честен. И он, между прочим, очень гордился своим принципом. И глупым пережитком его не

считал. И когда подкалывали его – да тот же Сячинов не раз подкалывал, – всегда отвечал с достоинством, никогда не поддаваясь на провокации. Теперь же он вроде свободен, значит, может и в гости к разбитной Колькиной соседке зайти.

Марийка, так звали соседку Сячинова, открыла, будто за дверью стояла и ждала, пока он позвонит.

– Володечка, привет! – широко улыбнулась она ему и тут же отступила от двери. – Входи, входи, чего в дверях топтаться...

Он вошел, огляделся. Ничего особенного. Стандартная прихожка с курткой и шарфиком на крючках, зеркало овальное, полочка с массажной щеткой и кучей рыжих волос, торчащих из нее. Ковровая дорожка, уводящая в комнату. По ней Марийка его и повела, виртуозно виляя пышным задом. А ему та сочная пышность аж до тошноты обрыдла. Да и по делу он сюда пришел – Коляна ищет.

– Коля? Сячинов? – удивленно округлила мелкие, глубоко посаженные глазки Марийка.

Будто ни за чем другим, кроме как для визита к ней, он наведаться не мог.

– Да, Маш. Коля мне нужен, – терпеливо пояснил Володя.

И тут же про себя подумал: ну неужели все пухленькие дамы такие тугодумки, а? Слышал подобный бред про блондинок, но удостовериться не приходилось. А тут со второй толстушкой за день беседует – одна шатенка, вторая рыжая, – и дело явно совершенно безнадежное. Дело вовсе дрянь.

– А... а ты разве ничего не знаешь? – Марийка настороженно подобралась и даже отодвинулась от него, хотя только что буквально легла ему на грудь, усадив на диван с собой рядом.

– А что я должен знать? – На душе Владимира противно зануло от внезапной печали, которой затуманились глаза Марийки.

– Там какое-то несчастье произошло.

– Где там? С кем несчастье?

– То ли с Колей, то ли с Ниной. Я толком не знаю ничего. Кто мне расскажет-то? – Марийка с сожалением глянула на него. – Ты вон шарахаешься...

– Короче, Маша! Что стряслось?

– Говорю, не знаю. Они же здесь квартиру снимали, постоянными жильцами не были. Кто их станет хоронить отсюда?

– К-ка-ак хоронить?! – У него просто язык к небу присох. – Кого хоронить? Ты чего несешь? Колька вроде на больничном, мне начальник сказал...

– Про Колю не знаю ничего, но Нина вроде погибла. Авария какая-то была.

– Не было никакой аварии, Маша! – заорал он не своим голосом, боясь верить в то, что ее слова – чистая правда. – Никакой информации у нас про аварию не было! Ты забыла, где я работаю? Ни про какую аварию не было ни единого сообщения! Я бы знал...

– Но ведь не знаешь, – резонно возразила Марийка. И тут же с обидой добавила: – И нечего на меня орать. Ты у меня в гостях, не я у тебя. Говорю, про Кольку не знаю ничего. А Нинка вроде того... погибла будто бы. Бабы во дворе болтали.

– Прости. – Володя обхватил голову руками. – Что же это такое, а? Про Кольку сказали – на больничном... Как же это?

– Так ты съезди к Нинкиной матери и спроси. Раз в вашей ментуре ничего не знают, то...

– Так я адреса не знаю, – перебил ее Володя.

– Адрес скажу, он у меня записан. Они как-то уезжали отдыхать, ее телефон и адрес мне оставляли. Мало ли, что говорят. Дом старый, может, кран потечет или батарея. И горят иногда дома-то наши, рухлядь ведь, а не жилье. Вот меня и снабдили и адресом, и телефоном Нинкиной матери. Давать, что ли?

Он кивнул, не размыкая рта.

Как же такое могло произойти? Почему в списке происшествий нигде не фигурировала фамилия Сячинова? Он же их сотрудник! Начальство отговаривалось односложным – на больничном. Хотя...

Хотя такое могло быть, если Нина погибла по вине Коляна. Он мог сесть за руль не совсем трезвым и... Да, так запросто могло быть. Потому и не придали огласке. Отсюда и односложные ответы на Володиные вопросы. Но тогда... значит, Колька жив? Жив, конечно, бродяга, что ему сделается! Ниночку жалко, конечно, но еще вопрос – погибла она или нет. Марийка наверняка что-нибудь напутала. Или бабы возле дома набрехали со скуки.

Поблагодарив за истертый на сгибах клочок бумаги с адресом Нининой матери, Кириллов распрощался с Марийкой, с кислой улыбкой пообещав заходить на огонек. Сел в машину и помчался в пригород, где жила мать Нины.

Одноэтажный крохотный домик с голубыми наличниками оказался не запертым. Дверь была даже чуть приоткрыта, и откуда-то из глубины дома слышалось заунывное то ли пение, то ли плач. Кириллов поежился от неприятного, почти осязаемого ощущения чужой беды. Прошел темными сенцами, ступил в комнату.

За столом, накрытым льняной пурпурной скатертью, сидела пожилая женщина и плакала, причитая. Увидев его, вздрогнула, потом прищурилась, будто узнавая. Вздохнула со всхлипом и спросила:

– Чего надо?

– Простите меня, пожалуйста. Я друга не мог разыскать последние несколько дней. А мне сказали, что...

– Сдох он сегодня, друг твой, если ты про Кольку, – рокочущим голосом оборвала его женщина. – Сдох! Туда ему и дорога!

– Колян? Сячинов? Господи... Да что же такое! – Кириллов сполз по стене на лавку возле двери, стащил с головы форменную фуражку и промокнул платком лоб, мгновенно покрывшийся испариной. – Как же так? Я ничего не знал, клянусь! Что случилось-то? Когда? Простите меня, бога ради, я не знал!

– Что изменилось бы? – обреченно махнула на него рукой женщина. – Ниночка умерла сразу, Колька в реанимации промаялся почти неделю, сегодня вот преставился. Из больницы мне позвонили, будто он сын мне! Будто не он мою дочь угробил! Ну остановка сердца и остановка, пожил хоть несколько дней... А Ниночка сразу...

– Простите меня бога ради! – взмолился Володя. – Когда это произошло? Как?

– Не хочу... не хочу с тобой говорить про это. Ступай к своим товарищам, у них и спрашивай. Уходи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.